

9690
9640

~~КАБИНЕТ
Уголовного Права
3 Гос. Университета.~~

Проф. Н. Н. Розинт.

О судѣ присяжныхъ.

Лен. Гос. Ордена Ленина Университет
Юридический Факультет

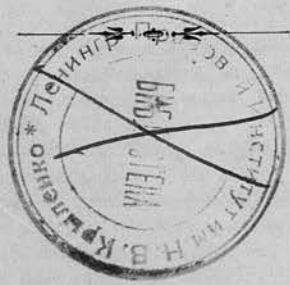
3353 н.ч.п.
220172 н.ч.п.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ,

читанная въ Томскѣ 24-го февраля 1901 года.

СЛБГУ

~~ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.~~

ТОМСКЪ.

Паровая типо-литографія П. И. Макушина, Благовѣщ. пер., соб. д.

1901.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Томскаго Университета.
Ректоръ Университета Проф. *А. Судаковъ*.

О судѣ присяжныхъ *).

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ,

читанная проф. Н. Н. Розинимъ 24 февраля 1901 года въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая
Томской губерніи.

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

20 ноября 1864 года—день, незабвенный для русскаго народа. Въ этотъ день утверждены были Судебные Уставы Императора Александра II. Этотъ день открылъ новую эпоху русской правовой жизни, эпоху, рѣзко отличающуюся отъ той, на смѣну которой Судебные Уставы пришли. Прошлое, когда Русь была „въ судахъ черна неправдой черной“, когда, по выраженію одного изъ нашихъ юристовъ, „вопіющіе недостатки стараго суда почти уничтожали значеніе правосудія и подрывали всякое къ нему довѣріе“; прошлое, о которомъ и въ нашу пору можно слышать такъ много характерныхъ разсказовъ, рисующихъ волокиту, злоупотребленія, произволь, подкупность и раболѣпство старыхъ канцелярскихъ судебныхъ инстанцій,—это прошлое съ изданіемъ Судебныхъ Уставовъ невозвратно минуло. Они принесли намъ бесспорный, для всѣхъ равный, скорый, правый и милостивый судъ, нервомъ, двигающей пружиной котораго является идеаль невѣдомой дотолѣ справедливости и правосудія.

Самые устои, на которыхъ покоятся Судебные Уставы, этотъ итогъ общепризнанныхъ и бесспорныхъ, по мнѣнію всѣхъ нашихъ юристовъ, процес-

*) Литература.

Объяснит. записка къ Проекту новой редакціи Учрежденія Суд. Уставовленій, тт. I и II, 1900.

Фойницкій. Курсъ Уголовнаго Судопроизводства, т. I, 1896.

Случевскій. Учебникъ русскаго уголовного процесса, 1895.

Владиміровъ. Судъ присяжныхъ, 1873.

С. Хрулевъ. Судъ присяжныхъ, Журн. Гражд. и Угол. Права 1886 №№ 8, 9, 10.

Квачевскій. Нашъ судъ присяжныхъ, *ibid.* 1880, № 2.

Цухановъ. О недостаткахъ нашего суда присяжныхъ, *ibid.* 1882 № 3.

Щегловитовъ. Новыя теченія въ практикѣ суда присяжныхъ, Журн. Мин. Юст. 1900 № 10

Biener. Beiträge zur Geschichte des Inquisitionsprocesses, 1827.

Brunner. Die Entstehung der Schwurgerichte, 1872.

Ihering, Der Zweck im Recht, I, 1893.

Garofalo. La criminologie, 1890.

Ferri. La sociologie criminelle, 1893.

Tarde. Lap philosophie pénale, 1891.

суальных истинъ, выработанныхъ чловѣчествомъ путемъ долгаго вѣкового опыта,—самые устои эти въ большинствѣ случаевъ представляютъ прямую противоположность тому, что давало содержаніе дореформенному русскому порядку. 1) Въ то время, какъ нашъ старый судъ вершился на основаніи канцелярскихъ, бумажныхъ данныхъ, въ немъ преобладала письменность—въ новомъ судѣ все судоговореніе ведется устно; вся житейская драма — въ показаніяхъ обвиняемаго, потерпѣвшаго, свидѣтелей—проходитъ предъ судомъ непосредственно; 2) въ противоположность старому судебному порядку, требовавшему тайны,—новый судъ вершится открыто, гласно; судоговореніе доступно каждому, кто захотѣлъ бы при немъ присутствовать; 3) прежній процессъ велся по началу розыскному, причемъ судья несъ въ сущности несомвѣстимыя обязанности слѣдствія, обвинения и суда, нынѣ эти функціи разграничились: нынѣ предъ судомъ происходитъ состязаніе равноправныхъ, обставленныхъ законными гарантіями, представляющихъ свои доказательства сторонъ,—обвиненія и защиты; 4) въ то время какъ въ старомъ судѣ приговоры постановлялись на основаніи т. наз. формальныхъ, предустановленныхъ закономъ доказательствъ, напр. правила, что для установленія истины должно быть не менѣе 2 свидѣтелей,—новый судъ стремится къ отысканію истины исключительно путемъ изслѣдованія фактической, конкретной обстановки дѣла, и доказательства оцѣниваются по разуму, совѣсти, внутреннему убѣжденію судей; 5) новый судъ принесъ идею независимости судебной власти и отдѣленія ея отъ власти административной, и въ 6) онъ далъ намъ законченную систему участія народа въ отправленіи уголовного правосудія, судъ присяжныхъ. Судъ присяжныхъ завершаетъ и увѣнчиваетъ сумму устоевъ Судебныхъ Уставовъ; онъ является блестящимъ дополненіемъ и проводникомъ началъ устности, гласности, состязательности, судебной независимости и принципа внутренняго убѣжденія при оцѣнкѣ доказательствъ и доставляетъ этимъ началамъ необходимую обезпеченность, стройность и полноту.

Со времени изданія Судебныхъ Уставовъ начала эти „успѣли войти въ плоть и кровь нашей страны, сдѣлались привычнымъ и дорогимъ достояніемъ народа“.

„Три десятилѣтія,—говоритъ одинъ изъ образованнѣйшихъ и талантливѣйшихъ защитниковъ Судебныхъ Уставовъ, проф. С.-Петербургскаго Университета Фойницкій,—протекшія со времени изданія Судебныхъ Уставовъ, доказали, что это замѣчательнѣйшій памятникъ нашего законодательства, одно изъ самыхъ цѣнныхъ украшеній великаго освободительнаго царствованія; памятникъ, утвердившій въ нашей жизни драгоценныя ростки законности и правды. Святая обязанность каждаго русскаго юриста, отнынѣ ясна: состоитъ она въ томъ, чтобы оберегать начала Судебныхъ Уставовъ въ ихъ первоначальной чистотѣ, ограждать животворящій ихъ духъ, внутренній ихъ смыслъ отъ всякихъ искаженій и перелѣлокъ, составляющихъ ясный или прикрытый поворотъ къ старому порядку вещей, и содѣйствовать дальнѣйшему развитію законодательства въ духѣ этихъ началъ“.

13 мая 1896 г. дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ распространено на Сибирь, но съ существеннымъ ограниченіемъ—безъ суда присяжныхъ. Не надо думать, что ограниченіе это вызвано непоколебимымъ убѣжденіемъ въ незрѣлости и неподготовленности Сибири къ общественной судебной дѣятельности. Оно является болѣе плодомъ сомнѣній правительства, вполне основательныхъ въ виду малаго знакомства съ бытомъ новаго края. Желаніе даровать ему и судъ присяжныхъ высказано нашимъ высшимъ законодательнымъ учрежденіемъ уже при самомъ обсужденіи Сибирской судебной реформы. Уже тогда соединенные Департаменты Государственного Совѣта выразили увѣренность, что „съ наступленіемъ,—по мѣрѣ идущаго быстрыми шагами развитія Сибирскаго края, — хотя бы въ западныхъ его частяхъ—благопріятнаго времени къ воспринятію суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, Министерство Юстиціи не преминетъ дать этому вопросу надлежащее направленіе“ (Журн. Соед. Деп. 1896 г. № 63 стр. 20). И эта увѣренность нынѣ близка къ осуществленію. Министерство Юстиціи уже неоднократно дѣлало шаги къ выясненію вопроса о возможности введенія суда присяжныхъ въ Западную Сибирь. 20 мая минувшаго года съ цѣлью окончательнаго выясненія осуществимости этихъ предположеній для Томской губерніи, Министерство Юстиціи обратилось къ Томскому Губернатору съ просьбой о „безотлагательномъ собраніи по каждому уѣзду губерніи подробныхъ статистическихъ свѣдѣній“ относительно числа лицъ, которыя могли бы войти въ составъ присяжныхъ засѣдателей. Для этой цѣли своевременно учреждены были изъ представителей администраціи, прокуратуры, суда, полиціи и членовъ городского управленія уѣздныя комиссіи, которыя, по предложеннымъ формамъ, собрали всѣ требуемыя свѣдѣнія. Свѣдѣнія эти разсматривались въ двухъ засѣданіяхъ—въ ноябрѣ и декабрѣ—особымъ совѣщаніемъ, въ которомъ принимали участіе представители губернской администраціи и суда. Результатомъ совѣщанія было установленіе полной и безусловной возможности немедленнаго введенія въ Томской губерніи суда присяжныхъ, ибо количество лицъ, подходящихъ по предположенному цензу къ отправленію обязанностей присяжныхъ засѣдателей, во всѣхъ уѣздахъ Томской губерніи на много превышаетъ потребную норму. И норма эта будетъ превышена еще болѣе, если, примѣнительно къ условіямъ мѣстнаго аренднаго землевладѣнія и сельскаго управленія будетъ найдено возможнымъ внести нѣкоторыя добавленія къ статьямъ закона, устанавливающимъ необходимый для присяжныхъ матеріальный цензъ*).

*) Какъ извѣстно, предположенная общая судебная реформа имѣетъ въ виду ввести два состава присяжныхъ засѣдателей: 1) *общій составъ*, для разбора дѣлъ, по которымъ наказаніе соединено съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или лишеніемъ всѣхъ особыхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ. Лица, входящія въ этотъ составъ, должны удовлетворять условіямъ, указаннымъ нынѣ въ ст. 81, 82, 84 и т. д. Учр. Суд. Уст.,—за незначительными исключеніями, обусловленными измѣненіями въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ статей; 2) *особый составъ*, для разбора дѣлъ, указанныхъ въ ст. 201 и сл. Уст. уг. суд. и нынѣ подсуди-

Такіе же благопріятные результаты, какъ извѣстно, дали и свѣдѣнія, собранныя въ остальныхъ мѣстностяхъ Западной Сибири.

Быть можетъ, предстоящая общая судебная реформа во всей Россійской Имперіи задержитъ введеніе въ Сибирь суда присяжныхъ, но, можно быть увѣреннымъ, и въ этомъ случаѣ ожиданія сибиряковъ не будутъ продолжительны. Судъ присяжныхъ станетъ достояніемъ Сибири такъ же, какъ сталъ онъ достояніемъ почти всѣхъ губерній Россіи.

Въ виду этого казалось бы своевременнымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ учрежденіи, какъ объ одной изъ формъ народнаго участія въ отправленіи уголовного правосудія.

Этихъ формъ исторія и, въ частности, исторія русская, знаетъ нѣсколько.

Была пора, когда судъ вершился исключительно народомъ, притомъ всей народной массой. Таковъ былъ напр. судъ Новгородскаго вѣча на Руси, таковы были древніе аѳинскіе и римскіе суды. По мѣрѣ того, какъ народъ терялъ свое самовластіе, по мѣрѣ роста и развитія монархическихъ началъ—суды эти исчезали и смѣнялись судомъ специально назначаемымъ правитель-

ныхъ суду палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей и проч., на основ. ст. 1105—1106² этого Устава. Присяжные особаго состава должны обладать *повышеннымъ* имущественнымъ и образовательнымъ цензомъ. Они созываются при окружныхъ судахъ въ количествѣ 5 очередныхъ и одного запаснаго, дѣйствуютъ совмѣстно съ судьями по назначенію отъ правительства и участвуютъ, какъ въ разрѣшеніи вопроса о виновности подсудимаго, такъ и въ разрѣшеніи вопроса о наказаніи. На каждый періодъ засѣданій ихъ должно быть не менѣе 18. На основаніи указаній, сдѣланныхъ въ предложеніи М. Ю., были собраны свѣдѣнія о количествѣ лицъ, удовлетворяющихъ предположенному цензу присяжныхъ, какъ общаго, такъ и особаго состава. По отношенію къ первымъ результаты, добытые по Томской губерніи, оказались слѣдующіе:

Число лицъ, могущихъ быть внесен. въ общ. списокъ.	У Ъ З Д Ы.	Число сессій въ уѣздныхъ гор.	Число присяжн. подлежащихъ ежегодн. внесенію въ очередной списокъ (съ запасными) на осн. п. 4 ст. 100 У. с. у.	Число присяжн., подлежащихъ ежегодн. призыву къ исполненію судебскихъ обязанностей (съ запасными) на осн. ст. 550 У. у. с.
1561	Томскій	8	448	264
389	Барнаульскій	6	356	198
343	Бійскій	4	264	132
240	Каинскій	4	264	132
333	Маринскій	3	198	99
204	Змѣиногорскій	3	198	99
164	Кузнецкій	2	132	66

Таблица эта указываетъ, что введеніе суда присяжныхъ можетъ быть обременительно лишь для Каинскаго уѣзда, но и въ этомъ уѣздѣ, при условіи широкаго примѣненія ст. 105 Учр. суд. уст., препятствій для такого введенія не встрѣчается. Надо при этомъ замѣтить, что количество лицъ, обладающихъ требуемымъ для присяжныхъ цензомъ, съ общимъ культурнымъ ростомъ Сибири увеличивается.

Независимо отъ этого, Особое Совѣщаніе приняло во вниманіе слѣдующія соображенія. Въ Томской губерніи почти совершенно отсутствуетъ частная земельная собственность, и частные собственники считаются не сотнями, а лишь десятками. Происходитъ это потому, что вся земля принадлежитъ или Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, или Кабинету Его Величества. Старожилы крестьяне владѣютъ землей на оброчномъ правѣ, въ неопредѣленномъ количествѣ десятинъ, ибо правильной нарѣзки земли не произведено, и земля эта находится по преимуществу въ общинномъ владѣніи. Переселенцы получаютъ по 15 десятинъ на мужскую душу также въ общинное владѣніе. Общинамъ предоставляется переходить и на подворное наследственное владѣніе, но послѣднее еще недостаточно развилось. При такихъ условіяхъ очень

ствомъ, т. е. коронныхъ органовъ. Но такъ какъ эпоха этой смѣны—на западѣ начало среднихъ вѣковъ, у насъ—XV и XVI вѣка—не выработала еще точныхъ нормъ положительнаго закона, и жила во многомъ правомъ обычнымъ, то всѣмъ этимъ органамъ короннаго суда, княжескимъ и королевскимъ прикащикамъ, всякаго рода кормленщикамъ—давались въ помощь знающіе обычное право судьи изъ народа,—scabini, échevins, у насъ—судные мужи или судейки, которые вмѣстѣ и нераздѣльно съ назначенными отъ правительства судьями, т. е. составляя съ ними одну судебную коллегію, разбирали дѣла и приговаривали виновныхъ къ наказанію. Это вторая форма народнаго отправления уголовного правосудія. Какъ неразрывно связанная съ дѣйствіемъ обычнаго права, эта форма, за немногими исключеніями, падаетъ въ исторіи вмѣстѣ съ паденіемъ обычно-правовыхъ нормъ и постепенной замѣной ихъ государственнымъ закономъ.

Третій видъ народнаго участія въ уголовномъ судѣ образуетъ сословная юстиція, у насъ призванная къ жизни Петромъ, развитая Екатериной и со-

трудно опредѣлить, сколько земли у каждаго хозяина въ безсрочномъ владѣніи, и можно лишь указать, какимъ приблизительно количествомъ земли владѣть то или другое отдѣльное общество. Между тѣмъ крестьяне старожилы и переселенцы, по своему умственному развитію и нравственному уровню стоять не ниже крестьянъ Европейской Россіи. Привлечь ихъ къ отпращиванію судебской повинности желательно. Для этого слѣдуетъ лишь нѣсколько видоизмѣнить для сибирскихъ крестьянъ основаніи имущественнаго ценза, принявъ напр. за такуюя количество арендуемой земли и цѣнность строеній, возведенныхъ на казенной, кабинетской, казачьей или общественной землѣ, владѣемой на правѣ пользованія, на основаніи долгосрочной аренды. За мѣрило можно принять обладаніе на указанныхъ земляхъ займой, въ количествѣ земли не менѣе 45 десятинъ, или возведенными на такой землѣ строеніями, оцѣненными не менѣе, какъ въ 500 рублей.

Далѣе, должны быть приняты въ соображеніе формы мѣстнаго управленія. Именно, въ Томской губерніи инородцы управляются родовыми управленіями и инородческими управами, состоящими изъ зайсанговъ, димичей и бѣвъ, каковыя соответствуютъ лицамъ волостного и сельскаго управленія крестьянъ.

Наконецъ, въ виду огромныхъ разстояній Сибири и связанной съ ними возможности частой неявки присяжныхъ, Особое Совѣщаніе нашло нужнымъ увеличить количество присяжныхъ, вносимыхъ на основаніи ст. 550 Уст. уг. суд. въ служебный списокъ, съ 30 до 40, и количество запасныхъ съ 3 до 4.

Цифровые результаты при такого рода измѣненіяхъ получаютъ слѣдующіе:

Число лицъ, подлежащихъ внесенію въ общій списокъ.	У Ъ З Д Ы.	Число сессій.	Число очереднаго списка.	Число служебнаго списка.
1561	Томскій	8	528	352
792	Барнаульскій	6	396	264
560	Бійскій	4	264	176
354	Каинскій	4	264	176
438	Маринскій	3	198	132
465	Змѣиногорскій	3	198	132
219	Кузнецкій	2	132	88

Такимъ образомъ, ни для одного изъ уѣздовъ не потребуется даже примѣненія ст. 105 Учр. суд. уст., и возможность введенія здѣсь суда присяжныхъ общаго состава не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Что касается, затѣмъ, присяжныхъ *особаго состава*, именно обладающихъ предполагаемымъ повышеннымъ цензомъ (окончившихъ курсъ высшаго или средняго учебнаго заведенія, или 6 кл.

хранившаяся въ нашемъ правѣ и нынѣ въ формѣ напр. судовъ волостныхъ, а также въ формѣ суда съ сословными представителями, по многимъ дѣламъ присоединяемыми къ присутствію Судебныхъ Палатъ или Сената. Эта форма не пользовалась и не пользуется у насъ народнымъ расположеніемъ и нынѣ, какъ безнадежная, предположена къ отмѣнѣ.

Четвертый видъ народной юстиціи составляетъ институтъ мировыхъ судей прежняго выборнаго типа, выросшій изъ выборныхъ губныхъ старостъ и ихъ помощниковъ—губныхъ цѣловальниковъ XVI и XVII вѣка, видъ жизненный и обладающій несомнѣнной способностью къ росту, если судить съ точки зрѣнія общественныхъ симпатій и довѣрія къ нему. На ряду съ нимъ пятый видъ—судъ присяжныхъ, являющійся для всѣхъ странъ, исторіи которыхъ не чуждо народное участіе въ отправленіи уголовного правосудія, одной изъ формъ, изъ ступеней эволюціи народнаго суда, нынѣ повсюду господствующей.

Гдѣ родина этой специфической формы вопросъ и до нынѣ еще не разрѣшенный исторической наукой. Каждый народъ приписываетъ себѣ заслугу созданія и выработки этого суда. Среди англійскихъ ученыхъ циркулируетъ мнѣе, считающій судъ присяжныхъ плодомъ соціального творчества англо-саксонскаго племени, въ частности—плодомъ личной изобрѣтательности короля Альфреда и его рыцарей. Въ Германіи можно встрѣтить мнѣніе, поддерживаемое напр. такимъ ученымъ, какъ Савиньи, хотя и далеко не всѣми раздѣляемое, что институтъ присяжныхъ вышелъ изъ германскихъ лѣсовъ. Есть даже легенда, что Одинъ, который привелъ герман-

гимназій или реальн. уч. или 2 курсовъ духовн. семинарій, если они кромѣ того владѣютъ на правѣ собственности землей не менѣе 200 десят. или недвижимымъ имуществомъ, оцененнымъ не дешевле 10,000 руб. или получаютъ содержаніе на службѣ государств. или общественной или пенсію, или ренту и т. д. не менѣе 1000 руб.; занимающихъ или занимавшихъ должности предводителей дворянства, членовъ губернскихъ или уѣздныхъ земскихъ управъ и пр. съ тѣмъ же имущ. цензомъ и т. д. и т. д.), то цифры получаются слѣдующія:

У ъ З Д Ы.	Количество лицъ, подлежащ. внесенію въ общій списокъ.	Число сессій.	Количество лицъ, подлежащ. внесенію въ періодическій списокъ.
Томскій	734	8	144
Барнаулскій	163	6	108
Бійскій	36	4	72
Каинскій	31	4	72
Зембогорскій	33	3	54
Кузнецкій	21	2	36
Маріинскій	16	5	54

Таблица эта указываетъ, что присяжные особаго состава могутъ быть введены лишь въ уѣздахъ Томскомъ и Барнаулскомъ. Но такъ какъ количество дѣлъ, нынѣ подсудныхъ судебнымъ палатамъ по ст. 201 и сл. Уст. угл. суд. и переходящихъ въ вѣдѣніе присяжныхъ особаго состава, не превышаетъ въ остальныхъ уѣздахъ Томской губ. 5—6 въ годъ, то дѣла эти могли бы ежегодно разсматриваться въ Томскѣ и Барнаулѣ, а при этомъ условіи и введеніе особаго состава присяжныхъ въ Томской губ. препятствій не встрѣчаетъ.

цевъ въ Европу, создалъ и судъ присяжныхъ. Въ сѣверныхъ странахъ думаютъ, что судъ присяжныхъ возникъ среди скандинавовъ, — датчанъ, шведовъ и норвежцевъ. Существуетъ даже гипотеза (Maciejowsky), что судъ присяжныхъ — продуктъ національнаго генія славянскихъ народовъ. Есть затѣмъ мнѣнія, связывающія возникновеніе этого суда съ существовавшими еще у древнихъ римлянъ *iudices iurati*; есть другія, указывающія, что зародышемъ его были синодальные суды каноническаго права; нѣкоторые полагаютъ, что судъ присяжныхъ ведетъ свое происхожденіе изъ Азіи, именно изъ основаннаго крестоносцами іерусалимскаго королевства.

Трудно сказать, какое изъ этихъ разнообразныхъ предположеній о возникновеніи суда присяжныхъ болѣе отвѣчаетъ истинѣ. Быть можетъ, не будетъ ошибкой высказать предположеніе, что эта форма въ ея зародышѣ — одинаково присуща всѣмъ народамъ. И этотъ космополитизмъ ея, это отсутствіе рѣзко выраженныхъ національныхъ ея чертъ — объяснить не такъ трудно. Судъ присяжныхъ выработался изъ матеріала юридическаго, изъ способовъ доказыванія истины въ процессѣ, изъ обыскныхъ людей, послуховъ... А эту юридическую ступень прошла судебная жизнь всѣхъ народовъ безъ исключенія, и лишь позднѣйшія государственныя и социальныя условія ихъ жизни создали благоприятную почву для развитія иныхъ началъ, началъ инквизиціоннаго процесса съ его строемъ, несомвѣстимымъ съ присяжнымъ судомъ.

Какъ бы однако ни было, не подлежитъ спору, что судъ присяжныхъ, какъ специфическая и законченная форма народнаго участія въ уголовномъ судѣ, выработался и развился главнѣйшимъ образомъ въ Англіи. Я намѣчу бѣглыми чертами процессъ этого развитія.

Повинуясь общимъ историческимъ законамъ, начиная приблизительно съ XI вѣка, т. е. съ Вильгельма Завоевателя, судъ народныхъ собраний въ Англіи, *hundreda*, *commotum*, *schire* и т. д. постепенно сталъ замѣняться судомъ королевскихъ чиновниковъ. Это такъ называемые *iustitiarii itinerantes*, объѣздные судьи, нѣсколько разъ въ годъ для разбора дѣлъ совершавшіе поѣздку по ввѣренной имъ области. Въ основаніе своихъ рѣшеній и приговоровъ судьи эти клали показанія обыскныхъ людей, мѣстныхъ свѣдущихъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія. Самый процессъ ихъ опроса назывался *recognitio*. Всѣ гражданскія дѣла рѣшались на основаніи показаній этихъ *recognitores*. По отношенію къ уголовнымъ дѣламъ этотъ порядокъ опредѣлилъ все дальнѣйшее развитіе англійскаго суда присяжныхъ. Обыскные люди должны были указать судьямъ, какія преступленія и кѣмъ — предположительно — за истекшее время были совершены въ ихъ округѣ, и эти указанія давали матеріалъ для обвиненія. Это было т. наз. обвиненіе *per iuratum patriam*. Именно изъ него позднѣе выработался институтъ англійскаго большого или обвинительнаго жюри.

Чтобы не быть подвергнутымъ наказанію, обвиняемый долженъ былъ оправдаться отъ взводимаго на него обыскными людьми обвиненія, долженъ былъ дать доказательства своей невинности. Главнѣйшимъ доказатель-

ствомъ той эпохи былъ судъ Божій,—ордалии, т. е. испытаніе огнемъ, водой, или судебный поединокъ, поле съ обвинителемъ,—по принципу: правъ тотъ, кто долѣе выдержитъ, кто побѣдитъ,—правому помогаетъ Богъ. Сюда присоединялась по нѣкоторымъ дѣламъ очистительная присяга. Въ 1215 году, постановленіемъ Латеранскаго собора, ордалии, этотъ наивный способъ судебного доказательства, были отмѣнены. Поединокъ уже тогда сталъ въ Англіи выходить изъ употребленія. Въ области доказательствъ, если исключить присягу, примѣнявшуюся не по всемъ дѣламъ, образовался, благодаря этому, пробѣлъ, который необходимо было чѣмъ нибудь и какъ нибудь заполнить. И вотъ для этого созданъ былъ, вѣрнѣе—поэтому, естественно вошелъ въ употребленіе (и закрѣпленъ былъ въ законодательствѣ въ Magna Charta) новый способъ доказыванія истины. Обвиняемый получилъ право „ponere se super patriam“, сослаться на людей, близко знакомыхъ съ его дѣломъ, по возможности свидѣтелей его. Эти люди образовали новое жюри, жюри, являющееся средствомъ доказательства. Число участвующихъ въ немъ лицъ—обыкновенно 12. Въ этой новой формѣ прежніе recognitores и новые testes, обыскные люди и свидѣтели—оказались соединенными. Роль этого жюри съ теченіемъ времени расширилась. Постепенно установился обычай, что съ образованіемъ такого жюри объявлялось во всеобщее свѣдѣніе, что каждый можетъ явиться и высказать предъ жюри все, извѣстное ему по дѣлу. И такимъ путемъ, мало по малу, изъ средства доказательства, которымъ оно было въ началѣ, жюри это превратилось само въ активный судебный институтъ,—оно само приобрѣло право выслушивать показанія свидѣтелей, обсуждать доказательства и на основаніи ихъ давать свое рѣшающее истинное сужденіе, *vere dictum*, вердиктъ—о виновности подсудимаго. Изъ этого жюри выработалось современное англійское малое жюри. Именно, исчезла прежде необходимая черта стараго жюри—знакомство съ дѣломъ обвиняемаго; осталась лишь форма: обсужденіе вопроса о виновности подсудимаго 12-ю человекѣми изъ обыкновенной народной средней массы. И надо замѣтить, рѣшенію этихъ 12 англичане придаютъ значеніе крупнѣйшаго доказательства въ дѣлѣ и вѣрнѣйшаго выраженія истины.

Въ результатѣ же указаннаго историческаго развитія современный строй суда присяжныхъ въ Англіи оказался въ крупныхъ чертахъ слѣдующій. Преданіе суду, за исключеніемъ должностныхъ преступленій и дѣлъ объ убійствѣ, совершается по постановленію большого или обвинительнаго жюри. Судебное слѣдствіе производится предъ малымъ жюри, состоящимъ изъ 12 человекъ. Единственный отвѣтъ этихъ 12 на единственный вопросъ—заключительный пунктъ обвинительнаго акта—долженъ быть единогласенъ. Юридическимъ руководителемъ коллегіи 12-ти является коронный судья, который разъясняетъ присяжнымъ сущность и правила оригинальной англійской системы доказательствъ. Этотъ же судья постановляетъ, къ какому наказанію долженъ быть приговоренъ подсудимый, признанный присяжными виновнымъ. Приговоры такого суда авторитетны и непоколебимы.

Въ пору новыхъ освободительныхъ вѣяній на континентѣ, когда всѣ поняли, что царившая тамъ инквизиціонная розыскная система суда представляетъ слишкомъ печальную картину съ своимъ порядкомъ формальныхъ доказательствъ и полнымъ отсутствіемъ на негласномъ, тайномъ судѣ личныхъ гарантій подсудимаго, — въ эту пору англійскій судъ присяжныхъ долженъ былъ привлечь къ себѣ вниманіе. Долженъ былъ, ибо онъ представлялъ совершенную противоположность континентальному суду, какъ по идеѣ своей, такъ и по своей формѣ, по своему открытому судоворенію, по способамъ доказательствъ, по положенію на немъ личности...

Первая обратила свое вниманіе на судъ присяжныхъ Франція и, съ нѣкоторыми измѣненіями, ввела его у себя уже въ концѣ XVIII вѣка. Изъ рейскихъ провинцій, гдѣ судъ присяжныхъ укоренился во времена французскаго владычества, и гдѣ онъ въ продолженіе полувѣка уже доказалъ свою жизнеспособность, онъ распространился и по Германіи. Когда волна 1848 года взмыла на ряду съ грандіознѣйшими социальными вопросами и вопросы судебного устройства, даже германскіе доктора *utriusque iuris*, горячіе сторонники старыхъ, вѣками привившихся въ странѣ судебныхъ обычаевъ, высказались въ защиту присяжнаго суда. Ихъ убѣдилъ опытъ, сдѣланный этимъ судомъ на западѣ. Съ этой поры судъ присяжныхъ сталъ живымъ германскимъ учрежденіемъ.

Франція и Германія дали типъ континентальнаго суда присяжныхъ, который съ извѣстными особенностями въ деталяхъ введенъ былъ въ судебныя строй почти всѣхъ государствъ Западной Европы. Главнѣйшими отличіями континентальнаго суда присяжныхъ явились: отсутствіе въ немъ большаго или обвинительнаго жури; система предложенія присяжнымъ не одного, а ряда отдѣльныхъ вопросовъ о виновности подсудимаго и расширенная роль предсѣдателя суда по отношенію къ руководству народной коллегіей.

Несмотря на эти измѣненія, и при континентальной системѣ существенныя черты суда присяжныхъ остались тѣ-же: для отправленія уголовного правосудія, къ коронному составу суда т. е. къ профессиональнымъ, состоящимъ на государственной судебной службѣ юристамъ присоединяются лица изъ народа, не являющіяся постоянными, а лишь временными судьями, не обязанныя обладать юридическимъ образовательнымъ или судебнымъ служебнымъ цензомъ. Образовавшаяся такимъ путемъ народная коллегія, исключительно на основаніи данныхъ судебного слѣдствія, даетъ вердиктъ о виновности подсудимаго, а коронная — опредѣляетъ ему наказаніе и его мѣру. Окончательный приговоръ суда, несмотря на внѣшнюю независимость этихъ коллегій другъ отъ друга, является плодомъ сотрудничества ихъ, такъ что въ общемъ судъ присяжныхъ составляетъ одно органическое цѣлое, объединенное общимъ стремленіемъ къ раскрытію правды и торжеству закона.

Съ измѣненіями, вызванными условіями нашей національной жизни, судъ присяжныхъ былъ воспринятъ въ 1864 году и русскимъ правомъ.

Чтобы быть понятнымъ всей моей аудиторіей я кратко изложу современное устройство нашего присяжнаго суда, какъ оно опредѣляется Судебными Уставами*).

Судъ присяжныхъ созывается у насъ только при Окружныхъ Судахъ. Вѣдомству его подлежатъ всѣ дѣла, по которымъ наказаніе сопряжено съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ дѣлъ, напр. преступленій должностныхъ, противъ управленія, нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ, телеграфныхъ и проч., находящихся въ вѣдѣніи суда съ сословными представителями.

Члены Окружного Суда, въ составѣ не менѣе 3-хъ, составляютъ коронный элементъ суда съ присяжными.

„Присутствіе“ присяжныхъ засѣдателей (скамья), числомъ въ 12 человекъ, составляетъ народный элементъ этого суда.

Составленіе скамьи присяжныхъ, въ виду серьезности задачъ, возлагаемыхъ на послѣднихъ, и въ виду связанной съ ихъ обязанностями социальной отвѣтственности,—есть дѣло чрезвычайно важное, и законъ напередъ устанавливаетъ необходимыя правила такого составленія, условія, которымъ должны удовлетворять присяжные, какъ будущіе судьи, и органы этого составленія.

Ежегодно по каждому уѣзду указанными закономъ представителями городского и земскаго самоуправления, органами полиціи и проч., каждымъ по принадлежности—составляется общій списокъ лицъ, имѣющихъ право быть присяжными. Избираются присяжные засѣдатели изъ мѣстныхъ обывателей всѣхъ сословій, состоящихъ въ русскомъ подданствѣ, знающихъ русскій языкъ и умѣющихъ читать по русски, въ возрастѣ отъ 25 до 70 лѣтъ, жительствоющихъ въ уѣздѣ не менѣе 2-хъ лѣтъ, т. е. болѣе или менѣе извѣстныхъ. Это такъ называемыя внѣшнія условія, при наличности которыхъ никто не можетъ отказываться отъ исполненія повинности быть присяжнымъ. Исключаются отсюда, конечно, лица, съ завѣдомыми моральными или физическими недостатками,—напр., исключенныя изъ общества, опороченныя по суду,—затѣмъ, слѣпые, глухіе и т. д. Изъ лицъ, удовлетворяющихъ указаннымъ положительнымъ и отрицательнымъ условіямъ, въ общій списокъ присяжныхъ вносятся безъ различія сословій: лица, обладающія указаннымъ въ законѣ имущественнымъ цензомъ, именно владѣющія недвижимой собственностью, цѣной напр. въ городахъ съ населеніемъ менѣе 100,000 человекъ не ниже 500 руб., или получающія на государственной или общественной службѣ ежегодное содержаніе, или пенсію, или ренту—не ниже опредѣленнаго размѣра, именно 400, 600 или 1000 р., смотря по различію мѣстностей; кромѣ того, лица сельскаго состоянія, занимавшія безпорочно въ теченіе 3-хъ лѣтъ указан-

*) Ст. 78⁴, 81—109 Учр. Суд. Установленій и ст. 201—203, 550—553, 645¹—645³, 646—677, 750—764, 801—828 Устава Угол. Судопроизводства.

ныя въ законѣ общественныя должности, напр., волостного старшины, сельскаго старосты и проч. Этотъ цензъ долженъ служить, по мысли закона, однимъ изъ ручательствъ извѣстнаго интеллектуальнаго уровня присяжныхъ. Для нѣкоторыхъ особыхъ званій дѣлаются исключенія, и лица этихъ званій не подлежатъ отбыванію повинности быть присяжными, напр., духовенство, лица судебного вѣдомства, нѣкоторые чиновники и т. д.

Составленный изъ этихъ лицъ списокъ поступаетъ къ предсѣдателю особой мѣстной комиссіи по составленію очередныхъ списковъ и, по формальной его повѣркѣ, публикуется во всеобщее свѣдѣніе. Важно, что каждый имѣетъ право возражать противъ внесенія или невнесенія того или другого лица въ общій списокъ. Вслѣдъ за этимъ, общій списокъ разсматривается въ самой комиссіи. Составъ этой комиссіи опредѣляется закономъ и строго взвѣшенъ съ точки зрѣнія способности ея членовъ нести работу по составленію списковъ. Въ нее входятъ органы мѣстнаго общественнаго самоуправленія, которымъ наиболѣе знакомъ личный составъ населенія, входятъ, по тому-же соображенію, органы администраціи и, для контроля надъ законностью—чины прокурорскаго надзора. Для оцѣнки судебныхъ способностей кандидатовъ въ присяжные—въ комиссію входятъ и представители судебного вѣдомства. Комиссіа эта должна провѣрить внутреннія достоинства лицъ, включенныхъ въ общій списокъ, именно ихъ нравственную безупречность, т. е. полное отсутствіе съ ихъ стороны, хотя-бы въ образѣ ихъ жизни, какихъ-либо поступковъ, роняющихъ нравственную личность, предосудительныхъ; далѣе ихъ способность къ отправленію обязанности судей, именно умственную зрѣлость, житейскую опытность, знанія, грамотность; наконецъ—средства матеріальныя. Лица, избранныя комиссіей—должны быть лучшими людьми уѣзда. Изъ нихъ комиссіа составляетъ очередной или годовой списокъ, именно списокъ лицъ, которыя въ предстоящемъ году имѣютъ быть призваны къ отправленію обязанностей присяжныхъ засѣдателей. Количество лицъ, вносимыхъ въ очередной списокъ, колеблется отъ 240 до 2400, въ зависимости отъ числа предположенныхъ сессій. Таже комиссіа составляетъ особый списокъ запасныхъ засѣдателей—по 6 на каждую сессію, изъ лицъ, мѣсто жительства которыхъ близко къ мѣсту засѣданія суда, и которыя, въ случаѣ неявки кого-либо изъ комплекныхъ присяжныхъ, могутъ быть приглашены въ судъ безъ чрезмѣрнаго ихъ обремененія. Вслѣдъ за составленіемъ очереднаго списка, комиссіа распределяетъ внесенныхъ въ него лицъ по періодамъ предположенныхъ засѣданій Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей и назначаетъ для лицъ, отнесенныхъ въ тотъ или другой періодъ, мѣсяцъ, въ теченіе котораго они должны быть готовы явиться по призыву суда для исполненія обязанностей присяжныхъ. Это такъ называемые періодическіе или мѣсячные списки. При составленіи ихъ комиссіа должна стремиться къ тому, чтобъ составъ присяжныхъ на каждую сессію былъ по возможности ровный, т. е. чтобы лица, болѣе выдающіяся по своему образовательному или служебному цензу, были равномѣрно распределены въ средней массѣ присяж-

ныхъ засѣдателей; она должна принять во вниманіе и интересы самихъ присяжныхъ, такъ какъ въ извѣстное время многіе изъ нихъ не могутъ безъ ущерба для себя быть присяжными, напр., крестьяне во время жатвы или посѣва.

На составленіи періодическихъ списковъ кончается работа комиссіи, и списки поступаютъ въ судъ.

За три недѣли до открытія сессіи, во время подготовительныхъ распоряженій, судъ со своей стороны подвергаетъ періодическій списокъ присяжныхъ повѣркѣ и вычеркиваетъ лицъ, не имѣющихъ по закону права быть присяжными. Затѣмъ, онъ назначаетъ по жребію 30 засѣдателей и 3 запасныхъ, которые и вносятся въ такъ называемый служебный списокъ для присутствованія на судѣ въ теченіе всего періода засѣданій. Этотъ списокъ составляется по жребію, въ публичномъ засѣданіи, чтобъ никто не могъ подозрѣвать пристрастности, чтобъ тѣмъ установить полное довѣріе къ составу присяжныхъ. Каждый періодъ засѣданій съ участіемъ присяжныхъ открывається особымъ публичнымъ судебнымъ засѣданіемъ, гдѣ присяжные приводятся къ присягѣ, и гдѣ имъ объясняются ихъ права, обязанности и отвѣтственность. Имъ указывается, что они не должны имѣть сношеній съ лицами, не принадлежащими къ составу суда; не должны собирать свѣдѣній по дѣлу, кромѣ тѣхъ, которыя будутъ выясняться на судебномъ слѣдствіи; должны хранить тайну своихъ совѣщаній и т. д.

Предъ разсмотрѣніемъ каждаго дѣла судъ повѣряетъ тождество явившихся присяжныхъ съ лицами, значащимися въ спискѣ, увольняетъ отъ засѣданія тѣхъ присяжныхъ, которые по участію въ дѣлѣ или по особымъ отношеніямъ къ подсудимому или потерпѣвшему имѣютъ законныя причины къ устраненію; стороны, безъ объясненія причинъ, посредствомъ вычеркиванія изъ списка, отводятъ лицъ, которыхъ не желаютъ видѣть въ составѣ присяжныхъ. Изъ числа неотведенныхъ назначаются судомъ по жребію для рѣшенія дѣла 12 комплектныхъ и 2 запасныхъ присяжныхъ засѣдателей. Первые 12 образуютъ „присутствіе“ присяжныхъ.

Самое движеніе процесса на судѣ присяжныхъ происходитъ обычнымъ порядкомъ. По открытіи засѣданія читается обвинительный актъ или опредѣленіе о преданіи суду; допрашивается подсудимый, изслѣдуются доказательства, допрашиваются въ извѣстномъ порядкѣ свидѣтели; если требуется и допускается закономъ, читаются протоколы предварительнаго слѣдствія. Заключается судебное слѣдствіе преніемъ сторонъ, именно обвинительной рѣчью прокурора и защитительной рѣчью. Послѣ этого судъ ставитъ присяжнымъ засѣдателямъ вопросы по подлежащему ихъ рѣшенію дѣлу. Именно, если нѣтъ сомнѣній въ фактѣ преступленія и въ томъ, что оно дѣйствительно совершено подсудимымъ, ставится общій вопросъ о виновности; а если такое сомнѣніе возникаетъ, то ставятся отдѣльно вопросы о томъ, совершилось ли событіе преступленія, было-ли оно дѣяніемъ подсудимаго и можетъ-ли быть вмѣнено ему въ вину. О нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, напр., особо увеличивающихъ

или уменьшающихъ вину, о степени приведенія злого умысла въ исполненіе, о степени соучастія и т. д. ставятся спеціальные вопросы. Вопросы ставятся въ общепотребительныхъ выраженіяхъ по существеннымъ признакамъ преступленія и виновности, а не въ видѣ принятыхъ закономъ опредѣленій. Они излагаются письменно и передаются присяжнымъ. Вручая старшинѣ ихъ вопросный листъ, предсѣдатель суда произноситъ напутственную рѣчь, въ которой напоминаетъ и резюмируетъ присяжнымъ существенныя обстоятельства дѣла, толкуетъ законы, относящіеся къ опредѣленію свойства разсматриваемаго преступленія, равно какъ указываетъ и общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ за и противъ подсудимаго, — въ смыслѣ предостереженія отъ увлеченій въ ту или другую сторону, — причемъ онъ не долженъ высказывать своего личнаго мнѣнія о дѣлѣ.

Присяжные удаляются затѣмъ для обсужденія вопросовъ въ совѣщательную коннату. Они должны склонять свои мнѣнія къ единогласному рѣшенію. и лишь если это не окажется возможнымъ, дѣло рѣшается по большинству голосовъ, а при равенствѣ голосовъ за и противъ — въ пользу подсудимаго. Старшина заноситъ отвѣты въ вопросный листъ, затѣмъ присяжные возвращаются въ залъ, и старшина, послѣ соблюденія извѣстныхъ формальностей читаетъ вслухъ вопросы и отвѣты присяжныхъ.

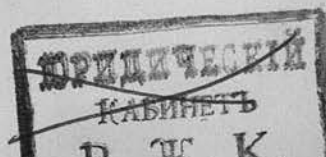
При оправдательномъ вердиктѣ подсудимый немедленно освобождается. При обвинительномъ вердиктѣ — прокуроръ даетъ свое заключеніе о наказаніи, затѣмъ слово предоставляется подсудимому, и судъ опредѣляетъ слѣдующее по закону наказаніе. Если судъ единогласно признаетъ, что рѣшеніемъ присяжныхъ обвиненъ невиновный, онъ постановляетъ о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе новаго состава.

Таковы существенныя черты строя русскаго суда присяжныхъ.

Если обратить вниманіе на процессъ постепеннаго распространенія суда присяжныхъ, то можно притти къ одному только выводу: эта форма суда должна быть наиболѣе совершенной, наиболѣе удовлетворяющей задачамъ правосудія, если, независимо отъ различія національныхъ чертъ современныхъ народовъ, она повсюду проникла въ судебный строй и повсюду удержалась.

Тоже убѣжденіе составимъ мы, если прислушаемся къ голосу общественныхъ симпатій, общественнаго довѣрія къ суду присяжныхъ, т. е. прибѣгнемъ къ одному изъ наиболѣе совершенныхъ мѣрилъ пригодности общественнаго института.

Однако, еслибъ мы стали думать, что судъ присяжныхъ пользуется общей любовью и не вызываетъ никакихъ возраженій, мы совершили бы большую ошибку. Какъ и у всякаго общественнаго учрежденія, у суда присяжныхъ есть много враговъ. На Западѣ, въ Италіи и Франціи, есть цѣлая школа юристовъ, которая ведетъ горячую борьбу противъ суда присяжныхъ. Это такъ называемые юристы антропологи и социологи, крупнѣйшіе изъ нихъ — Ломброзо, Ферри, Гарофало, Тардь. У насъ всеѣмъ извѣстна круп-

ная общественная партія, проводниками идей которой являются „Московскія Вѣдомости“, „Гражданинъ“, „Русскій Вѣстникъ“, которые сильно возстаютъ противъ самой идеи народнаго участія въ отправленіи уголовнаго правосудія, а, слѣдовательно, и противъ суда присяжныхъ. И среди практиковъ юристовъ, и на Западѣ, и у насъ—можно встрѣтить не мало лицъ, которые видятъ въ судѣ присяжныхъ только недостатки и никакихъ достоинствъ.

И чтобъ произвести правильную оцѣнку суда присяжныхъ, эти мнѣнія его противниковъ необходимо знать.

Ферри указываетъ на то, что ни одно измѣненіе въ организмѣ, растительномъ или животномъ, безразлично, не можетъ быть признано полезнымъ или устойчивымъ, если оно не подготовлено медленнымъ и постепеннымъ развитіемъ скрытыхъ органическихъ силъ примѣнительно къ условіямъ вѣншей обстановки. Только нужные органы растутъ и крѣпнутъ. Ненужные—постепенно атрофируются. Тоже слѣдуетъ сказать и объ организмѣ общественномъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Если извѣстное учрежденіе создается внезапно, не подготовленное исторіей страны, ростомъ и измѣненіемъ ея интеллектуальныхъ и матеріальныхъ потребностей,—такое учрежденіе не имѣетъ будущаго. А судъ присяжныхъ былъ созданъ въ Европѣ „однимъ почеркомъ пера“ законодателя, который совершенно игнорировалъ, что судебная жизнь континента и ея исторія шли инымъ путемъ, чѣмъ жизнь Англии; даже болѣе: судъ присяжныхъ уже не новъ для европейскихъ странъ, но онъ исчезъ изъ нихъ въ свое время, какъ явленіе, не имѣющее корней въ характерѣ европейскихъ народовъ, или не нашедшее благопріятной среды. Его введеніе вновь—является созданіемъ „ненужнаго члена безъ всякой физиологической связи съ социальнымъ организмомъ“. А такой шагъ—не признакъ общественнаго прогресса, а признакъ возвращенія къ варварству, разложенія.—Аналогичныя, хотя и болѣе ограниченныя національной точкой зрѣнія указанія дѣлаетъ Герингъ.

Къ этому возраженію противъ суда присяжныхъ присоединились въ свое время указанія на то, что судъ этотъ, какъ и вообще народный судъ, несовмѣстимъ съ политическимъ строемъ многихъ странъ, именно со строемъ монархическимъ. Такъ Фейербахъ видѣлъ въ судѣ присяжныхъ „проявленіе демократическихъ началъ, зародышъ революціи, результатъ народовластія, составляющій вѣчную оппозицію правительству“. Бруннеръ, приступая въ началѣ своего прекраснаго изслѣдованія о судѣ присяжныхъ къ обзорѣ литературы вопроса, указываетъ на тотъ фактъ, что крупнѣйшія работы нѣмецкихъ авторовъ о судѣ присяжныхъ группируются около 1848 года, т. е. стоятъ, какъ и самый институтъ, въ явной связи съ политическими вѣніями страны. Герингъ, оканчивая свою филиппику противъ суда присяжныхъ, говоритъ, что судъ этотъ сыгралъ во всякомъ случаѣ крупную роль—роль освобожденія народа отъ абсолютизма. Тоже мнѣніе защищаютъ Jouffroy и Каррара, говоря, что судъ присяжныхъ—авангардъ свободы и ея необходимый спутникъ. Эти указанія, съ соответствующимъ *Caveant consules*, неоднократно дѣлались и дѣлаются и въ нашей прессѣ, органы которой я называлъ.

Наибольше же энергичныя нападки вызываетъ самая сущность суда присяжныхъ и его дѣятельность, независимо отъ его историческихъ, національныхъ и политическихъ чертъ.

Присяжные судьи, говорятъ противники этого института, — какъ судьи изъ народа, являются совершенно неподготовленными къ судебной дѣятельности. Последняя требуетъ отъ человѣка большихъ способностей, которыя даются практической судебской школой, заключающейся въ приобрѣтеніи не только техническихъ знаній, но и, главное, извѣстныхъ моральныхъ качествъ — путемъ постоянного подчиненія своихъ воли и чувства закону. Чтобы быть судьей надо имѣть силу подавить въ себѣ добраго человѣка; жалѣя преступника, какъ говорятъ англичане, пожалѣть и общество и умѣть отстаивать законъ. Но такой дисциплины воли у присяжныхъ нѣтъ и быть не можетъ. Они болѣе всего слѣдуютъ голосу чувства, отдаются впечатлѣніямъ судоворенія. Поэтому ихъ дѣятельность страдаетъ произволомъ и часто нарушаетъ законъ. И не нужно большого труда, чтобы воспользоваться этимъ свойствомъ присяжныхъ: это лучше всего знаютъ адвокаты-актеры, умѣющіе театальной рѣчью разжалобить присяжныхъ или зажечь ихъ сердца. Ферри и Гарофало приводятъ рядъ процессовъ въ Италіи, гдѣ послѣ рѣчи защитника, въ ту пору, когда судъ не могъ скрыть улыбки, присяжные рукоплескали. И было чему, — адвокатъ такъ горячо говорилъ о страданіяхъ несчастной матери подсудимаго, о слезахъ его дѣтей, когда ни матери, ни дѣтей у подсудимаго не было.

Покорные внѣшнимъ импульсамъ, не владѣющіе своей волей, своимъ чувствомъ, — присяжные почти никогда не обладаютъ нужными знаніями, чтобы отправлять обязанности судей, чтобы понять смыслъ и содержаніе большинства юридическихъ терминовъ, предъ ними на судѣ проходящихъ. Этого мало. Въ большинствѣ случаевъ необразованные, неразвитые — они не обладаютъ настолько и умственными силами, чтобы критически овладѣть доказательствами за и противъ подсудимаго, чтобы сосредоточить свое вниманіе на судовореніи и видѣть въ своемъ вердиктѣ центръ и существо своей дѣятельности. Tarde сообщаетъ, что послѣ одного оправдательнаго вердикта присяжныхъ по дѣлу объ изгнаніи плода (foetus) нашли на скамьѣ одного изъ присяжныхъ записку, гдѣ значилось: *le fétusse — c'est l'enfant*, т. е. очевидно присяжный думалъ не о дѣлѣ, подлежащемъ его рѣшенію, а объ обогащеніи своихъ знаній. Въ другой разъ, въ вердиктѣ присяжныхъ на 7 „да“ (*oui*) одно было написано *voûi*, и когда дѣло было обращено къ новому голосованію, то въ вердиктѣ оказалось уже только 6 *oui*, — авторъ *voûi* написалъ *non* (нѣтъ), ибо орфографія *non* ему была болѣе извѣстна.

Нѣтъ сомнѣнія, продолжаютъ противники суда присяжныхъ, что такой судъ не можетъ обладать и необходимыми для суда самостоятельностью и независимостью сужденій и твердостью въ сознаніи нравственнаго долга. Такъ, указываютъ они, въ Сициліи — присяжные орудіе въ рукахъ маффіи; въ Неаполѣ — въ рукахъ каморры; въ Корсикѣ они зависятъ отъ бандитовъ; во Франціи — отъ политическихъ партій, прессы и т. д., даже въ Англіи —

отъ словесныхъ или письменныхъ угрозъ. Кромѣ того, они подкупны. Присяжнымъ быть иногда просто выгодно! Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Италіи есть тарифъ, по которому оплачивается оправданіе или констатированіе смягчающихъ обстоятельствъ. Всѣ, по правилу, предсказываютъ оправданія богатыхъ и знатныхъ. Такъ въ 1879 году въ одномъ итальянскомъ городкѣ ждали оправданія одной знатной дамы и ея любовника, задушившихъ мужа этой дамы и сознавшихся въ этомъ. Въ отелѣ, рядомъ съ зданіемъ суда, былъ заранѣе сервированъ обѣдъ и, дѣйствительно, вечеромъ оправданные подсудимые, свидѣтели и присяжные пировали за однимъ столомъ. Благодаря этому, судъ присяжныхъ не пользуется довѣріемъ коронныхъ юристовъ: камеры преданія суду весьма нерѣдко отсылаютъ подсудимыхъ не къ присяжному суду, а къ суду исправительной полиціи.

И все это не должно вызывать удивленія: такая дурная дѣятельность присяжныхъ есть проявленіе общаго психологическаго закона—поглощенія массой или коллективными единицами хорошихъ чертъ отдѣльныхъ, въ нихъ входящихъ индивидовъ. Въ отдѣльности человѣкъ можетъ быть умнѣе и добрѣе, и его поступки будутъ умны и добры, но поступки суммы индивидовъ, коллегіи—не могутъ и не будутъ отличаться тѣми-же чертами. Хорошія качества людей—качества рѣдкія и единичныя, и они потонутъ въ общей массѣ дурного и злого, присущаго большинству. Не даромъ римляне говорили: *senatores boni viri, senatus autem mala bestia**), а итальянцы думаютъ, что ихъ аристократы—въ отдѣльности каждый—джентльменъ, а въ общемъ—всѣ разбойники.

Такой судъ, конечно, не можетъ правильно функціонировать. Его дѣятельность есть полное извращеніе задачъ правосудія, притомъ не только съ точки зрѣнія отдѣльныхъ приговоровъ, явно нарушающихъ справедливость, но и по общей своей картинѣ. Процентъ оправдательныхъ приговоровъ суда присяжныхъ неизмѣримо высокъ и совершенно не соответствуетъ задачамъ государственной репрессіи преступленій. Не удивительно, что такіе приговоры порой вызываютъ бурю возмущенія, напр., въ Корсикѣ, въ Нью-Йоркѣ (1884 г.), гдѣ въ свалкѣ было убито 50 человѣкъ; въ Новомъ Орлеанѣ (1891 г.). Тардъ полагаетъ, что именно судъ присяжныхъ своими несправедливыми приговорами способствуетъ развитію въ Америкѣ суда Линча. Такъ въ 1886 году было 83 казненныхъ по судебнымъ приговорамъ и 133—судомъ Линча; въ 1888 году первыхъ было 87, а вторыхъ—144; въ 1889: 98 и 175.

Пригоденъ-ли такимъ образомъ, спрашиваютъ противники суда присяжныхъ, для отправленія судебной дѣятельности этотъ дикій институтъ „*institution baroque du juri*“, какъ зоветъ его Гарофало, эти „*gute Leute, aber schlechte Musikanten*“**), какъ говоритъ Герингъ, „безъ знанія права, которое дается только изученіемъ его; безъ чувства законности, которое

*) Сенаторы—люди хорошіе, а сенатъ злая bestia.

**) Хорошіе люди, но плохіе музыканты.

приобрѣтается профессіей; безъ сознанія отвѣтственности, которое развивается только должностью; безъ самостоятельности сужденія, которое вырабатывается лишь практикой,—люди, часто приходящіе въ судъ уже съ предвзятымъ мнѣніемъ вслѣдствіе ходячихъ газетныхъ сплетенъ, покорные рѣчи защитника и всевозможнымъ общественнымъ вліяніямъ?.. Конечно нѣтъ, отвѣчаютъ они. „L'institution pèche par la base“, говоритъ Тардъ. Порокъ этого института въ самомъ его существѣ И нечему удивляться, что протестъ противъ него охватилъ все страны, не исключая и Англіи, гдѣ одинъ изъ наиболѣе блестящихъ юристовъ, Джемсъ Стифенъ, написалъ въ 1884 году книгу, направленную противъ суда присяжныхъ. Судъ присяжныхъ существуетъ только потому, что его трудно замѣнить.

Таковы главнѣйшія возраженія противъ суда присяжныхъ. По преимуществу они циркулируютъ въ западно-европейской литературѣ, но весьма часто и весьма охотно, съ соответствующимъ перемѣщеніемъ объекта и обстановки возраженій, переносятся они и въ русскую жизнь и направляются противъ русскаго суда присяжныхъ. И по скольку они высказываются честно и открыто, они заслуживаютъ вниманія и отвѣта, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя у насъ и нашими авторами направляются противъ суда присяжныхъ въ Россіи

II.

Теперь мы обратимся къ разсмотрѣнію только что изложенныхъ возраженій противъ суда присяжныхъ.

Его противники указываютъ на то, что внезапное возникновеніе суда присяжныхъ на континентѣ, есть фактъ, противорѣчащій всемъ законамъ историческаго развитія общественныхъ учреждений, развитія, абсолютно подобнаго развитію организмовъ, т. е. не знающаго скачковъ, плавнаго и послѣдовательнаго. И это внезапное возникновеніе—плохой симптомъ: такое учрежденіе лишено почвы и безжизненно.

Въ этомъ возраженіи сказалась общая, хотя уже не новая въ наукѣ тенденція модныхъ антропологическихъ и социологическихъ направлений въ уголовномъ правѣ и процессѣ—брать свои аргументы и параллели изъ области естествознанія. Но это рискованный научный приѣмъ,—потому что сферы естественная и социальная—слишкомъ различны, какъ различны и законы, по которымъ совершается ихъ развитіе. Уподобленіе общества естественному организму и развитія общества—развитію физическаго организма—уже давно и безнадежно осужденное уподобленіе, нынѣ утратившее всякій научный кредитъ. Достаточно будетъ, если я укажу, что развитіе физическаго организма совершается безсознательно, по естественнымъ законамъ природы, тогда какъ въ развитіи общества, чтобы нынѣ ни говорили экономическіе матеріалисты, играетъ огромную роль разумная личность и

220172

ея сознательныя стремленія къ разумнымъ цѣлямъ. Общество живетъ психической жизнью, оно создаетъ религію, мораль, право, учрежденія, способствующія достиженію идеаловъ, которые двигаютъ обществомъ въ данную эпоху,—создаетъ часто рѣзкими толчками. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить конецъ XVIII вѣка и тѣ рѣзкія измѣненія въ политической организаціи, народномъ хозяйствѣ, частной жизни, которыя онъ принесъ съ собой. И такого развитія физической организмъ не знаетъ и не можетъ знать.

Но если даже оставить въ сторонѣ логической дефектъ уподобленія общества и его учреждений—организму и его членамъ,—самая мысль, что судъ присяжныхъ есть институтъ, возникшій внезапно, какъ *deus ex machina*,—неправильна. Вѣдь дѣло въ томъ, что судъ присяжныхъ есть послѣдняя, современная форма участія народа въ отправленіи уголовного правосудія. И форму эту нельзя отрывать отъ основного начала, выраженіемъ котораго она служитъ, и подвергать критикѣ отдѣльно отъ него. Это похоже на то, какъ если бы мы вырвали страницу изъ книги и, не зная предыдущаго содержанія книги, стали бы указывать на бессмысленность и неожиданность отдѣльныхъ положеній этой страницы. Только если мы обратимся къ содержанію всей книги, мы поймемъ, какъ возникли эти положенія, и насколько они основательны. Такъ и въ вопросѣ о судѣ присяжныхъ, который представляетъ лишь отдѣльную страницу въ исторіи народнаго суда. А этотъ народный судъ, или народное участіе въ отправленіи правосудія—есть явленіе, извѣстное исторіи всѣхъ народовъ, явленіе, постепенно мѣняющее свою внѣшность въ зависимости отъ государственныхъ и социальныхъ условій быта страны, но неумирающее въ существѣ своемъ, жизненное.

Въ частности, у насъ въ Россіи, какъ я уже указалъ, народное участіе въ отправленіи уголовного правосудія также не является „чужеземнымъ наростомъ“ или, какъ говорятъ, экзотическимъ растеніемъ, пересаженнымъ къ намъ изъ иныхъ странъ. Если даже не упоминать о 12 послухахъ Русской Правды,—наши обыскные люди, губные старосты и цѣловальники Московской Руси, весь строй судебныхъ инстанцій Екатерининской эпохи—все это плодъ единого національнаго русскаго начала, требующаго близости суда къ народу и вершенія его самимъ народомъ. Судъ присяжныхъ, введенный Суд. Уставами, далъ этому началу лишь болѣе глубокое и полное проявленіе; въ новыхъ условіяхъ общественной жизни, соотвѣтственно росту общественнаго самосознанія—онъ лишь разумнѣе и цѣлесообразнѣе выразилъ старый русскій укладъ. Вводя, такимъ образомъ, судъ присяжныхъ, составители Суд. Уставовъ не совершали никакого заимствованія: они оставались вѣрны нашей вѣковой судебной традиціи.

Не такъ давно умершій русскій юристъ Стояновскій,—одно изъ свѣтлыхъ именъ, связанныхъ съ судебной реформой, говаривалъ, что у насъ и до Судебныхъ Уставовъ не было исключительно короннаго суда, что весь нашъ судъ былъ судомъ присяжныхъ. Этимъ онъ хотѣлъ отгнать бли-

зость и родственность новаго суда русскому народу. Ту же мысль высказалъ М. Ю. Муравьевъ, говоря, что исключительно коронный судъ, безъ участія народнаго элемента, былъ-бы для насъ „совершеннымъ новшествомъ, безпочвенной пробой, неизвѣданной загадкой будущаго...“

А если это такъ, то тѣмъ болѣе странно мнѣніе, считающее народное участіе въ уголовномъ судѣ вообще и судъ присяжныхъ въ частности—несовмѣстимымъ съ монархическимъ строемъ государства. Это мнѣніе идетъ въ разрѣзъ съ исторической правдой. Во всѣхъ странахъ и государствахъ народная юстиція, въ тѣхъ или другихъ формахъ, прекрасно уживалась съ монархическимъ строемъ, и монархи сами часто и сознательно прибѣгали къ народному суду, какъ суду наиболѣе способному стоять на стражѣ закона. Факты эти извѣстны и нашей исторіи: такъ въ пору раздвѣта короннаго суда поступалъ у насъ, напр., Иванъ Грозный.

Утверждаютъ, что именно судъ присяжныхъ есть опасная форма народнаго суда, ибо вводился и прививался онъ на континентѣ въ пору политическаго броженія. Такъ было во Франціи.

Ссылка на Францію справедлива. Дѣйствительно, Франція восприняла этотъ институтъ въ пылу революціонной борьбы, какъ учрежденіе политическаго характера. Таковы, по крайней мѣрѣ, были по существу своему дебаты, которые велись въ *Assemblée Constituante* по поводу этого института. Тамъ говорилось, что судъ присяжныхъ осуществляетъ идею народнаго самовластія, что онъ является наилучшимъ средствомъ освобожденія народа отъ тираниіи. Однако такой взглядъ на судъ присяжныхъ и такая въ немъ увѣренность оказались ошибочны. Ошибочны они были теоретически, ибо „все что придаетъ суду присяжныхъ преимущественную политическую окраску, вредитъ его дѣятельности и искажаетъ его характеръ, какъ института судебного“. Плохъ тотъ судъ, гдѣ законъ примѣняется не по началамъ справедливости и правосудія, предъ которыми всѣ равны, а подъ вліяніемъ политическихъ страстей, т. е. подъ вліяніемъ партійныхъ интересовъ. Этотъ судъ болѣе всего способенъ доморализовать населеніе. Ошибочны оказались эти предположенія и практически. Судъ присяжныхъ во Франціи не былъ и не могъ быть оплотомъ народной свободы, ибо по существу своему къ этому онъ не призванъ. Нисколько неудивительно, что въ 1808 году, когда институту присяжныхъ во Франціи грозила гибель,—его защитникомъ явился Наполеонъ I, врагъ демократіи и демократическихъ учреждений. Онъ держалъ въ рукахъ современный ему присяжный судъ: при немъ судьи получали награды за „похвальное прилежаніе“ и подвергались отвѣтственности, если приговоры ихъ не шли на встрѣчу желаніямъ императора. И это фактъ не единичный. Совершенно аналогичные факты даетъ исторія Англіи въ половинѣ XVI в. при Генрихѣ VIII и въ концѣ XVII в. при Іаковѣ II, гдѣ судъ присяжныхъ также былъ раболѣпнымъ и послушнымъ орудіемъ въ рукахъ власти.

Доказываютъ-ли эти факты, что суды присяжныхъ есть опасное учрежденіе, что онъ несовмѣстимъ съ монархическимъ строемъ и составляетъ

вѣчную ему оппозицію? Конечно, нѣтъ. Судъ присяжныхъ, какъ и всякое общественное учрежденіе, стоитъ самъ подъ вліяніемъ соціальныхъ и политическихъ условій жизни страны. Онъ таковъ-же по своему характеру, каково общество, изъ членовъ котораго присяжные вербуются. Онъ доступенъ всевозможнымъ давленіямъ и вліяніямъ такъ-же и постольку-же, какъ и поскольку доступно имъ общество.

И если это такъ, то правильнѣе подумать не о томъ, какъ убить народный судъ, заглушить все, что способствуетъ его процвѣтанію, а, напротивъ, о томъ, какъ закрыть политическимъ, партійнымъ интересамъ вліяніе на судъ присяжнымъ, спасти судъ отъ этого вліянія, обезпечить ему высшее судебное качество — независимость, качество, по существу присущее суду присяжныхъ болѣе нежели иному суду.

Если это такъ, затѣмъ, то указанія русскихъ противниковъ суда присяжныхъ, указанія на постоянный якобы антагонизмъ между судомъ присяжныхъ и монархическими государственными началами — совершенно несправедливы. Скажу болѣе, не только несправедливы, но въ нашу пору и въ высшей степени странны.

Указанія эти, быть можетъ, имѣли смыслъ въ пору введенія у насъ Суд. Уставовъ, смыслъ заблужденія, которое должны были разсѣять составители этого законодательнаго памятника, убѣждавшіе общество, что судъ присяжныхъ не подрываетъ и не можетъ подрывать основъ монархическаго государственнаго устройства. Но теперь, когда 36 лѣтъ протекло ужъ съ тѣхъ поръ, какъ судъ присяжныхъ былъ введенъ у насъ вѣднѣемъ верховной власти, когда онъ успѣлъ уже „пріобрѣсти и симпатіи общества и полное довѣріе правительства“, — теперь эти указанія странны и неумѣстны.

Повторяю, судъ присяжныхъ принципамъ монархическаго строя не противорѣчитъ. Онъ невозможенъ только въ деспотическихъ государствахъ, гдѣ царитъ произволъ, гдѣ народъ не знаетъ, что такое законъ, напр. въ Турціи, Китаѣ. Но такой деспотіей Россія не является. Пусть наша общественная жизнь даетъ порой картины робкихъ колебаній, уклоненій въ сторону, — тѣмъ не менѣе Россія совершаетъ общее историческое движеніе: постепенно, но твердо вступаетъ она въ семью правовыхъ государствъ, основой общественной жизни которыхъ служитъ законность и правовой порядокъ, въ которыхъ гражданинъ можетъ быть привлеченъ къ судебной отвѣтственности лишь за нарушеніе закона, и судъ вершится на основаніи закона. Въ этихъ государствахъ судъ присяжныхъ является лишь однимъ изъ наиболѣе совершенныхъ, практичныхъ и цѣлесообразныхъ элементовъ судоустройства, чуждымъ всякой политической окраски или обладающимъ ею ровно настолько, насколько, говоря словами Бруннера, „все, обезпечивающее независимое правосудіе, можетъ быть предметомъ справедливыхъ политическихъ притязаній“.

Болѣе, быть можетъ, имѣютъ значенія указанія на внутренніе недостатки суда присяжныхъ, на неспособность этого, какъ говорятъ „суда улицы“, къ правильному отравленію правосудія въ силу его юридической неподготов-

ленности, въ силу отсутствія у присяжныхъ извѣстныхъ качествъ ума и воли, необходимыхъ для судебной дѣятельности, въ силу, наконецъ, нравственной шаткости присяжныхъ.

Нужна-ли присяжнымъ юридическая подготовка?

Какъ извѣстно, работа уголовного суда распадается на двѣ части, на двѣ задачи,—одну фактическую, другую—юридическую. Первая задача—это установленіе событія дѣянія, установленіе его виновника и вмѣненіе дѣянія въ вину совершившему его. Вторая—подведеніе установленнаго факта подъ законъ и опредѣленіе мѣры наказанія. Эта послѣдняя задача, по существу своему, требуетъ отъ суда знакомства съ положеніями закона, съ составомъ того или другого преступленія и съ способами опредѣленія наказанія и всегда возлагается на коронныхъ органовъ суда, профессиональныхъ юристовъ. И на судѣ присяжныхъ ее выполняютъ коронные судьи. Напротивъ, первая задача—есть задача исключительно фактического характера; она требуетъ только „естественной логики, какъ говорили авторы Суд. Уставовъ, присущей каждому человѣку съ здравымъ умомъ“, да знанія жизни и нѣкотораго опыта. Юридическихъ свѣдѣній для рѣшенія этой задачи не нужно, тѣмъ болѣе, что формальныя, предустановленныя доказательства на уголовномъ судѣ нынѣ нигдѣ не примѣняются. И для такого рѣшенія наиболѣе пригодны именно присяжные, сужденіе которыхъ не затемнено юридическимъ мудрствованіемъ, которыхъ фактъ преступленія наиболѣе интересуется своей бытовой стороной, и которые близко знаютъ эту бытовую сторону.

Противники суда присяжныхъ тщательно подбираютъ мелкіе фактики въ родѣ записочекъ съ надписью „*fétusse c'est l'enfant*“, подбираютъ анекдоты, болѣе или менѣе пикантные, и бросаютъ ихъ въ упрекъ присяжнымъ, какъ доказательство ихъ неспособности быть судьями, быть сосредоточенными, внимательными къ дѣлу. И надо замѣтить, анекдоты эти у многихъ вполне замѣняютъ серьезную критику.

Не стану говорить о томъ, что такой матеріалъ едва-ли пригоденъ для того, чтобъ на его основаніи составить серьезное, не скороспѣлое сужденіе объ одномъ изъ крупнѣйшихъ общественныхъ институтовъ. Боюсь, что выводы, сдѣланные изъ такого матеріала, роняютъ тѣнь не на судѣ присяжныхъ, а на его критиковъ. А если мы обратимся къ надлежащимъ источникамъ для оцѣнки судейскихъ способностей присяжныхъ, то выводы получатся иные. Такъ, заключенія, данныя по вопросу о дѣятельности суда присяжныхъ со стороны магистратуры французскихъ и итальянскихъ судовъ,—поскольку дѣло касается этихъ странъ, почти все безъ исключенія говорятъ въ пользу присяжныхъ. Пизанелли, итальянскій министръ юстиціи, еще въ концѣ 60-хъ годовъ указывалъ на высокія качества приговоровъ присяжныхъ, на ихъ заботливое и прилежное отношеніе къ дѣлу. Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прокуроры цѣлаго ряда судовъ указанныхъ странъ, какъ видно изъ официальныхъ отчетовъ, дали похвальные отзывы о судѣ присяжныхъ, говоря, что судѣ этотъ—честь и украшеніе страны, что сужденія присяжныхъ разумны и прямы, что приговоры ихъ—продуктъ глубо-

кой и серьезной вдумчивости... Какъ можно видѣть, эти компетентные отзывы указываютъ нѣчто совершенно противоположное тому, что утверждаютъ противники суда присяжныхъ.

Тоже слѣдуетъ сказать о русскихъ присяжныхъ,—по скольку упрекъ въ отсутствіи внимательности и сосредоточенности падаетъ на нихъ. Я не могъ бы рассказать, да и не сталъ-бы рассказывать анекдотовъ à la Tarde о дѣятельности нашего суда присяжныхъ, но я знаю, что практикѣ нашего присяжнаго суда извѣстны случаи напряженнѣйшаго вниманія, съ какимъ вообще способенъ человѣкъ относиться къ своему дѣлу; извѣстенъ рядъ трудныхъ и запутанныхъ дѣлъ, гдѣ отъ присяжныхъ требовалось много ума, наблюдательности, осторожности, нравственной серьезности, — дѣлъ, съ честью разрѣшенныхъ присяжнымъ судомъ. Въ самомъ дѣлѣ, лица, неспособныя къ судебной дѣятельности, едва-ли бы сумѣли разобраться въ такихъ сложныхъ дѣлахъ, какъ знаменитые когда-то процессы Овсянникова, игуменъи Митрофаніи, Червонныхъ валетовъ и пр.

Говорятъ о нравственной шаткости, о подкупности присяжныхъ. Если правда, и бывали этого рода случаи, то они остаются, несомнѣнно, исключительными, болѣзненными явленіями. Ихъ нельзя обобщать. Въ упрекъ присяжнымъ ихъ можно ставить настолько-же, насколько и членамъ короннаго суда, съ которыми подобныя прискорбныя случайности также бывали. У насъ въ Россіи эти случаи слишкомъ рѣдки, и серьезной тревоги вызывать не могутъ. За 15 лѣтъ, съ 1879 до 1892 г., въ теченіе которыхъ присяжными рѣшено было 208.000 дѣлъ, т. е. фигурировало 208.000 составовъ присяжныхъ, было осуждено судебными палатами за „мздоимство“ 29 присяжныхъ, т. е. 0,0012% всего ихъ количества, выступавшаго за это время. Внушающимъ опасеніе этотъ % назвать нельзя.

Настаивая на томъ, что дѣятельность присяжнаго суда дурна, его противники ссылаются на общій психологическій законъ поглощенія массой, коллективными единицами, хорошихъ индивидуальныхъ качествъ входящихъ въ нихъ членовъ, законъ будто-бы отмѣченный и народной мудростью. Я не буду говорить о томъ, что такое указаніе бьетъ дальше цѣли, именно вообще говорить противъ коллегіальнаго порядка. Практическая жизнь, не смущаясь этимъ, для цѣлаго ряда учреждений, — законодательныхъ, административныхъ и судебныхъ, приняла коллегіальное начало, какъ наивысшую гарантію обдуманности и правильности дѣятельности этихъ учреждений. Умъ хорошо, а два лучше, говоримъ мы. Но самое примѣненіе этого якобы общаго закона къ суду присяжныхъ—неправильно. Законъ этотъ можетъ быть вѣренъ для такихъ коллективныхъ единицъ, которыя носятъ извѣстную сословную, партійную окраску, и гдѣ дѣйствительно подъ гнетомъ партійныхъ, кружковыхъ идеаловъ и программъ отдѣльная личность исчезаетъ. Но такой коллективной единицей судъ присяжныхъ не является: онъ составляется изъ разнородныхъ элементовъ, и общая задача его, отправленіе правосудія, — по существу своему далека отъ той или иной партійной или сословной окраски.

Говорятъ, что присяжные слишкомъ покорны голосу чувства и выносятъ нерѣдко совершенно неожиданные оправдательные приговоры, несмотря на доказанную виновность подсудимаго; что, наконецъ, процентъ ихъ оправдательныхъ приговоровъ слишкомъ высокъ. На дѣлѣ это указаніе не соответствуетъ истинѣ. Всѣ случаи „неожиданныхъ“ оправдательныхъ вердиктовъ присяжныхъ находятъ себѣ полное объясненіе. Какъ указываетъ Муравьевъ въ одномъ изъ своихъ литературныхъ произведеній, присяжные, вынося такіе приговоры, глубоко входятъ въ существо дѣла. Они оправдываютъ, обыкновенно, когда мотивы дѣянія не преступны и не безнравственны, или объясняются угнетеннымъ состояніемъ виновнаго, а вредъ, причиненный преступленіемъ, незначителенъ; когда одно лишь внѣшнее, формальное дѣйствіе сложилось въ преступленіе. И эти оправданія принимаются съ сочувствіемъ и одобреніемъ всякимъ членомъ общества, „у котораго бьется сердце, способное чувствовать и понимать“. Они оправдываютъ, затѣмъ, какъ указываетъ Хрулевъ, при сомнѣніи въ виновности. По одному дѣлу объ убійствѣ, сообщаетъ этотъ авторъ, дѣлу съ серьезными доказательствами—интеллигентнымъ и уважаемымъ составомъ присяжныхъ подсудимый былъ оправданъ. Всѣ удивлялись приговору. И старшина отвѣчалъ на вопросы удивленія: „да мы всѣ также убѣждены были въ виновности, но когда собиравшись писать, то всѣмъ намъ захотѣлось и сегодня, и завтра ночью спать, а не мучиться, что мы отправили на каторгу невиннаго, и рука опустилась“... И это мучительное, не дающее покоя, давящее мозгъ сомнѣніе, неотвязный вопросъ „а что, если?..“ знакомы всѣмъ судьямъ.

Если же и помимо этихъ случаевъ встрѣчаются неожиданныя оправданія, то они лежатъ не въ существѣ суда присяжныхъ, а во внѣшнихъ условіяхъ его дѣятельности. Къ числу этихъ условій относится прежде всего наше положительное право, его устарѣлость,—фактъ не только засвидѣтельствованный единогласно нашей уголовно-юридической литературой, но и подтвержденный официально. Неоднократно указывалось у насъ во всеподданнѣйшихъ докладахъ, что „Уложеніе не удовлетворяетъ современному уровню государственныхъ потребностей и расходится съ обычно-правовыми воззрѣніями на степень преступности извѣстнаго дѣянія, существенный недостатокъ въ странѣ, гдѣ дѣйствуетъ судъ присяжныхъ“. На дняхъ проф. Таганцевъ, нашъ авторитетнѣйшій криминалистъ, назвалъ наше Уложеніе „ветхимъ, дырявымъ, залатаннымъ рубищемъ, въ которомъ, образно говоря, неловко показаться даже въ Вяземской лаврѣ“. Уложеніе о наказаніяхъ часто облагаетъ строгими карами то, что съ общественной точки зрѣнія вовсе не преступно или мало преступно, и наоборотъ. Можно указать цѣлый рядъ статей Уложенія, гдѣ наказаніе, имъ опредѣляемое, совершенно не гармонируетъ съ тяжестью преступленія и можетъ быть объяснено, лишь какъ случайное историческое переживаніе. При такихъ условіяхъ, когда положенія закона противны совѣсти присяжныхъ, не можетъ не быть оправдательныхъ приговоровъ, какъ они бывали и бывають во всѣхъ странахъ при подобныхъ условіяхъ, напр. во Франціи до закона

1832 года. Вотъ нѣсколько примѣровъ, тутъ и тамъ указанныхъ въ нашей литературѣ. Крестьянинъ обвинялся въ слишкомъ интимномъ обращеніи съ дѣвушкой, прошлое которой было далеко не безупречно. Присяжные хотѣли „поучить озорника“ и признали его виновнымъ, а судъ въ силу 1525 ст. Улож. о Нах. приговорилъ его къ каторжнымъ работамъ. Въ ту же сессію обвинялся дядя-опекунъ въ весьма рискованномъ обращеніи съ своей племянницей, результатомъ чего было ея самоубійство,—и высшимъ наказаніемъ, по ст. 1476-й, было тюремное заключеніе на 1 годъ 4 мѣсяца. Сравнивая эти два приговора, присяжные роптали, говорили, что это произволь, и... при дальнѣйшемъ разбирательствѣ—большинству подсудимыхъ по дѣламъ, однороднымъ съ первымъ, вынесли оправдательные вердикты. Идетъ разносчикъ съ лоткомъ. На встрѣчу ему подгулявшіе новобранцы. Они окружили разносчика, вырвали лотокъ, расхватали пряники и вмѣстѣ съ ними нѣсколько мѣдныхъ денегъ. 14 человѣкъ сознались. Это была простая, быть можетъ, грубоватая шалость или „озорничество“. Прокуратура совершенно законно настаивала на грабежѣ. Чтобы не подвергать подсудимыхъ ссылкѣ въ Сибирь или исправительнымъ арестантскимъ отдѣленіямъ, присяжные оправдали ихъ. Подобныхъ примѣровъ можно привести огромное количество и всѣ они объясняются промахами матеріальнаго права. Когда новое Уложеніе, нынѣ разсматривающееся въ Государственномъ Совѣтѣ, станетъ закономъ, этого рода случаи будутъ невозможны..

Кромѣ этого, есть рядъ и иного рода внѣшнихъ условий, влияющихъ на дѣятельность присяжныхъ. Какъ я уже говорилъ,—одной изъ существенныхъ чертъ суда присяжныхъ, является сотрудничество, взаимодействие двухъ элементовъ, въ его составѣ входящихъ,—короннаго и народнаго. Благодаря этому, вердиктъ присяжныхъ не слагается внѣ всякой зависимости отъ вліянія профессиональныхъ юристовъ и въ значительной степени отражаетъ на себѣ дѣйствія коронныхъ органовъ суда. Предварительное слѣдствіе, преданіе суду, приготовительныя распоряженія суда, судебное слѣдствіе, постановка вопросовъ, заключительная рѣчь предѣдателя и пр.—все это дѣятельность короннаго состава суда. И если въ этой дѣятельности бывають промахи, то трудно ожидать, что они не отразятся на вердиктѣ присяжныхъ, и трудно обвинять за это присяжныхъ. А промахи этого рода не рѣдки.

Нечего говорить о предварительномъ слѣдствіи, этомъ предметѣ постоянныхъ нареканий нашей судебной практики. Часто оно ведется вовсе не съ той полнотой и вдумчивостью, чтобъ облегчить задачу присяжныхъ. Часто съ нимъ вполне гармонируетъ и обвинительный актъ. Кони, напр., указываетъ на дѣло Маргариты Жюжанъ, систематически развращавшей 15-лѣтняго мальчика и оправданной вопреки очевидности, благодаря промахамъ обвинительнаго акта. И камера преданія суду относится порой къ своему дѣлу не съ достаточнымъ вниманіемъ. Случалось, что вмѣсто всякой резолюціи на обвинительный актъ просто накладывался штемпель, въ знакъ того, что палата согласна съ мнѣніемъ прокурора, и дѣло двигалось дальше.

Бывало и иначе. Хрулевъ рассказываетъ объ одномъ прекращенномъ судомъ дѣлѣ, по которому потерпѣвшимъ была принесена жалоба. Рассмотрѣвъ ее, судебная палата отмѣнила опредѣленіе суда и возвратила дѣло прокурору для составленія обвинительнаго акта. Когда-же актъ былъ составленъ и представленъ на утвержденіе судебной палаты, послѣдняя, не замѣтивъ своего собственнаго опредѣленія, отмѣнила обвинительный актъ и прекратила дѣло по неосновательности обвиненія... Не рѣдко, далѣе, самое судебное слѣдствіе, являясь „безцвѣтнымъ повтореніемъ“ слѣдствія предварительнаго, вовсе не способствуетъ уясненію дѣла для присяжныхъ. Допросъ свидѣтелей, какъ со стороны обвиненія, такъ и со стороны защиты, иногда производится безъ надлежащаго плана, безъ серьезности, съ единственной цѣлью подорвать („подмарать“) значеніе показаній противной стороны путемъ, напр., возбужденія сомнѣнія въ нравственныхъ качествахъ свидѣтеля. Порой — въ особенности часто въ прежнее время и, къ счастью, рѣже теперь, — и обвинитель и защитникъ, вмѣсто спокойнаго и безпристрастнаго обсужденія дѣла и выясненія доказательствъ, старались построить на участи подсудимаго свою популярность, били на чувство присяжныхъ. Бывало и такъ, что напутственная рѣчь предсѣдателя, которой законъ приписываетъ весьма важное значеніе, вовсе не выполняла своей задачи и была безсодержательна и блѣдна, какъ рѣчь предсѣдателя суда въ „Воскресеніи“ Толстого, или, напротивъ, явно выражала мнѣнія и желанія самого предсѣдателя. Бывало что вопросы, предлагавшіеся присяжнымъ не были имъ понятны съ точки зрѣнія ихъ взаимоотношенія, не исчерпывали дѣла и пр.; часто вопросы, предлагавшіеся въ силу 760 ст. Уст. Уг. Суд., въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, нисколько не выясняли, а затемняли мысль. Для присяжныхъ нисколько не яснѣе, когда судъ вмѣсто „запальчивость и раздраженіе“ говорить „порывъ душевнаго волненія“, или, когда надо спросить:

— Виновна ли NN въ томъ, что тогда-то покушалась отравить мужа своего, который былъ спасенъ отъ смерти лишь врачебной помощью?

присяжнымъ ставятъ вопросъ:

— Виновна ли NN въ томъ, что, задумавъ лишить жизни мужа своего, тогда-то подмѣшала сильный ядъ (сулему) въ похлебку, которую и дала мужу, но смерть ему не послѣдовала только отъ того, что домашніе его стали давать ему молоко, а прибывшій фельдшеръ давалъ ему противоядіе, — яйца и рвотное?

Трудно думать, чтобъ такая постановка процессуальнаго дѣла отвѣчала желаніямъ законодателя и достигала предположенной имъ цѣли благотворнаго взаимодействія двухъ коллегій присяжнаго суда. Несомнѣнно, она въ значительной степени вліяла на промахи вердиктовъ присяжныхъ.

Вспомнимъ теперь обстановку работы суда присяжныхъ, въ особенности въ такъ называемыхъ выѣздныхъ сессіяхъ. Всѣмъ извѣстенъ сообщаемый Хрулевымъ рассказъ о „нашатырномъ судѣ“. Это рассказъ одного помѣщика-степняка, который вмѣстѣ съ товарищами былъ присяжнымъ въ теченіе 6 дней. По каждому дѣлу онъ былъ старшиной. На 5-й день засѣданіе

окончилось въ 5 часовъ утра, а въ 11 часовъ судъ снова открылъ засѣданіе, по большому дѣлу. Въ число присяжныхъ попалъ помѣщикъ и 7 старыхъ присяжныхъ. Судебное слѣдствіе и пренія окончились въ 12^{1/2} часовъ ночи. Пришли присяжные въ совѣщательную комнату и сразу нѣсколько человѣкъ уснули. Въ продолженіи двухъ часовъ приводили ихъ въ себѣ холодной водой и нашатырнымъ спиртомъ,—въ особенности долго будили пріятеля помѣщика, которому пришлось облить спиртомъ всю голову. Рѣшили дѣло и, какъ добрели до дому, цѣлыя сутки спали безъ просыпу. А пріятеля съ тѣхъ поръ прозвали „нашатырнымъ судьей“. Потомъ онъ о судѣ и слышать не могъ и однажды заплатилъ 100 рублей штрафа, а не поѣхалъ въ судъ. Циркуляръ М. Ю. 1885 г. потребовалъ, чтобъ засѣданія не продолжались въ ночное время, но это требованіе не соблюдалось. Недавній декабрьскій циркуляръ ставитъ это требованіе вновь. А вѣдь помимо физическаго утомленія, присяжные потрясаются и утомляются нравственно. Бывали случаи, что присяжные плакали, какъ было въ одномъ дѣлѣ объ истязаніи ребенка; бывало, что инымъ дурно дѣбалось. Многие судьи помнятъ картину, какъ старшина, отдавая листъ председателю, дрожащимъ голосомъ говорилъ: „не могу, прочитайте“, а товарищи его стояли вокругъ съ понурыми головами...

Вернемся къ физическому утомленію. Почему такъ спѣшать съ дѣлами? Потому что дѣлъ слишкомъ много, а судей мало; потому что судъ не всегда можетъ выѣхать на засѣданіе и сессіи ограничены извѣстнымъ временемъ, въ рабочую напр. пору не собрать присяжныхъ. И условія сессій далеко не благоприятны. Когда судъ пріѣдетъ въ уѣздный городъ, его членамъ буквально негдѣ голову преклонить, нечего ѣсть. Хорошо, если заранѣе распорядится о помѣщеніи губернаторъ; если городской голова не найдетъ, что „не его дѣло квартиры отводить“. Иначе приходится жить на постоянныхъ дворахъ, въ грязи, съ насѣкомыми, при отсутствіи самыхъ элементарныхъ удобствъ. Да и не только для членовъ суда,—для самаго присутствія суда достать помѣщеніе иногда трудно, и не разъ бывали случаи, какъ члены суда, добывъ кое-какое помѣщеніе, сами укутывали окна его войлокомъ и коврами, сами топили печи и засѣдали, затѣмъ, въ пледахъ и калошахъ, продрогшіе, полубольные... Можно-ли при такихъ условіяхъ удивляться, что члены суда спѣшаютъ окончить выѣздную сессію? Конечно нѣтъ, тѣмъ болѣе, что средства, отпускаемые суду на эти сессіи—прямо ничтожны, и всѣмъ почти приходится приплачивать изъ собственнаго скуднаго содержанія.

И между тѣмъ совершенно въ такихъ-же, если не худшихъ условіяхъ находятся и присяжные, прибывшіе въ городъ изъ уѣзда. А чѣмъ питаются они и какъ, если засѣданіе тянется цѣлый день? Порой имъ некого послать ни за чаемъ, ни за закуской, такъ что они пьютъ воду, да курятъ,—вотъ и вся пища. И если засѣданіе къ ночи не кончится, и председатель не отпуститъ ихъ на ночь по домамъ,—чего онъ часто и не имѣетъ права дѣлать,—то и спать присяжные въ помѣщеніи суда, въ повалку, на стульяхъ,

столахъ, на полу, послѣ того, какъ часовъ 14 провели на деревянныхъ скамьяхъ, въ плохо вентилируемомъ, душномъ помѣщеніи.

Независимо отъ этого, есть и было много иныхъ причинъ неуспѣшной дѣятельности присяжныхъ. Таково было, напр., до законовъ 1884 и 1887 года составленіе списковъ присяжныхъ засѣдателей, до того небрежное, что въ списки попадали часто глухіе и слѣпые; однажды даже, очевидно по примѣру безсмертнаго Елизавета Воробья, попала какая-то Матрена Иванова. Вся повинность суда падала,—да что скрывать? и нынѣ, какъ указываетъ декабрьскій циркуляръ М. Ю., падаетъ на низшіе классы народа, часто бѣдняковъ, которые, въ особенности прежде, являясь присяжными въ городѣ, буквально не имѣли куска хлѣба... Земскія власти въ Казанской губ., земства Спасское и Чебоксарское—сдѣлали было въ свое время попытку выдавать вознагражденіе этимъ „голоднымъ судьямъ“, но ихъ распоряженіе было опротестовано губернаторомъ въ 1-й деп. Сената, и въ 1872 году Сенатъ, совершенно неправильно, но обязательно разъяснилъ, что выдача этого вознагражденія противозаконна.—Эти судьбы были, дѣйствительно, неграмотны и неумѣлы. По 4—5 разъ приходилось предсѣдателю возвращать имъ вопросный листъ, ибо они, отвѣчая по всемъ вопросамъ „да“, отрицали однимъ отвѣтомъ другой; ибо они вмѣсто одного подсудимаго обвиняли другого, потому что вопросы предложены были не въ томъ порядкѣ, въ какомъ сидѣли обвиняемые. Законъ 1887 года о составленіи списковъ значительно исправилъ это дѣло.

Удивительно-ли, что при такихъ условіяхъ бывали случаи, когда присяжные давали недостаточно продуманные приговоры, и Суду приходилось иногда примѣнять ст. 818 Уст. уг. суд., ибо обвиненъ былъ невинный; удивительно-ли, что иногда судъ присяжныхъ оправдывалъ лицъ, виновность которыхъ, повидимому, не подлежала сомнѣнію? Но если эти случаи и бывали, они все-таки остаются случаями исключительными и вполнѣ находятъ свое объясненіе во внѣшнихъ условіяхъ дѣятельности суда присяжныхъ. Лишь очень рѣдко, какъ на то указываютъ наши практики, бывали оправданія, не объяснимыя съ указанной точки зрѣнія. Такъ въ Москвѣ судился нѣкто Бѣляевъ и былъ присяжными оправданъ только потому, что дѣло шло наканунѣ Благовѣщенья, и послѣднее слово подсудимаго совпало съ ударомъ церковнаго колокола, призывавшаго ко всенощной. Тоже было однажды въ Богородскѣ, въ засѣданіи выѣздной сессіи Московскаго Окружнаго Суда. Говорить-ли о томъ, что здѣсь присяжныхъ увлекло благоговѣйное религиозное чувство?

Но на самомъ-ли дѣлѣ репрессія суда присяжныхъ такъ слаба, что вызываетъ серьезныя опасенія? Правда, въ 1870-хъ годахъ она явно слабѣла. Такъ обвинительные приговоры составляли:

въ 1873 году . . .	66,8 проц. всего количества подсудимыхъ;
„ 1875 „ . . .	63,6;
„ 1879 „ . . .	62,2;

въ 1882 году . . . 60,2 и, наконецъ,
 „ 1883 „ уже 56,6.

Но со времени закона 12 іюня 1884 г., улучшившаго организацію суда присяжныхъ и условія его дѣятельности, эти цифры повышаются. Такъ

въ 1884 году обвиненій было	59,8	проценто́въ;
„ 1888 „ „ „	62,8	„
„ 1890 „ „ „	66,2	„
„ 1896 „ „ „	66,3	„

Надо замѣтить, что за то же время процентъ обвиненій короннаго суда колебался отъ 72 до 77, т. е. не былъ значительно выше процента обвиненій суда присяжныхъ, а въ 1896 году эта разни́ца была и вовсе ничтожна,—именно судъ присяжныхъ далъ 66,3 проц. обвиненій, а коронный судъ 69,7 проц. Большая разни́ца въ количествѣ обвинительныхъ приговоровъ присяжнаго и короннаго суда въ періодъ времени съ 1876 до 1887 года объясняется не общей болѣе слабой репрессіей суда присяжныхъ, а его особымъ отношеніемъ къ опредѣленной группѣ дѣлъ.

Такъ въ дѣлахъ о

	присяжный судъ обвинялъ	коронный
религіозн. пр-нія	70 проценто́въ	72 проц.
противъ тѣлесн. неприкосновенности	51 „	55 „
противъ женской чести	49 „	46 „
противъ брачн. союза	48 „	49 „
въ дѣлахъ о кражѣ	60 „	61 „

т. е. репрессія присяжнаго и короннаго суда были почти одинаковы. Напротивъ, въ дѣлахъ о преступленіяхъ противъ порядка управленія обвиняли:

коронный судъ	80 ⁰ / ₀
присяжный „	44 ⁰ / ₀ ,

а въ дѣлахъ о преступленіяхъ служебнхъ:

коронный	75 ⁰ / ₀ , а
присяжный только	30 ⁰ / ₀ !

отсюда получался значительный кажущійся перевѣсъ репрессіи суда короннаго *). А если сравнить приговоры нашихъ судовъ съ приговорами судовъ Западной Европы, по однороднымъ дѣламъ, то окажется, что нашъ судъ присяжныхъ оправдываетъ $\frac{0}{0}$ на 20 больше, а коронный—вдвое болѣе германскихъ судовъ и вчетверо больше французскихъ.

Можно ли такимъ образомъ говорить, что судъ присяжныхъ непригоденъ, потому что его репрессія слаба? Не вѣрнѣе-ли сказать, что репрессія суда присяжныхъ выше и серьезнѣе репрессіи короннаго суда, ибо присяжные имѣютъ дѣло съ тяжкими преступленіями, гдѣ требуется отъ суда много на-

*) Нынѣ эти дѣла изъяты изъ вѣдѣнія присяжныхъ.

пряженнаго вниманія и осторожности, а не съ формальными нарушениями, гдѣ часто ни фактъ преступленія, ни виновность — не вызываютъ ни какого сомнѣнія.

Итакъ, Милостивыя Государыни и Милостивые Государя, судъ присяжныхъ вполне свободенъ отъ недостатковъ, которыхъ такъ старательно ищутъ въ немъ его противники.

Съ точки зрѣнія исторической—онъ является наиболее совершенной и законченной формой народнаго суда, свойственнаго всеѣмъ народамъ и, въ частности, у насъ въ Россіи вполне національнаго.

Съ точки зрѣнія политической онъ не имѣетъ вовсе той тенденціи къ народовластію, которую ему приписываютъ, и не вступаетъ ни въ какую борьбу съ монархическими основами государственнаго строя, когда государство уважаетъ и отстаиваетъ законность.

Съ точки зрѣнія юридической онъ является наиболее призваннымъ къ рѣшенію тѣхъ вопросовъ, которые на него возлагаются, и регрессивнымъ нисколько не въ меньшей, если не въ большей мѣрѣ, чѣмъ судъ коронный.

За всеѣмъ тѣмъ, судъ присяжныхъ обладаетъ огромными, безспорными преимуществами, какъ судебный институтъ, преимуществами, которыя часто заставляютъ ставить его выше исключительно короннаго суда и, во всякомъ случаѣ, позволяютъ считать его желаннымъ дополненіемъ послѣдняго.

Въ отличіе отъ короннаго суда, главнѣйшимъ принципомъ дѣятельности котораго является принципъ неуклоннаго примѣненія формальной правды, закона, присяжные вносятъ въ дѣло еще одинъ моментъ, моментъ нравственной чуткости, жизненной правды. Они утончаютъ желѣзные формулы закона, они не допускаютъ, чтобы *summum ius* обрагилось въ *summa iniuria*. Не будемъ думать, что судъ присяжныхъ въ этомъ смыслѣ является исправителемъ закона: судъ не призванъ къ этому дѣлу, онъ подзаконенъ, и всякая попытка его взять на себя принадлежащій ему трудъ по исправленію закона должна быть отвергнута. Судъ присяжныхъ является только глубокимъ и тонкимъ выразителемъ и истолкователемъ воли закона, какъ великій артистъ выражаетъ тончайшіе оттѣнки выполняемой имъ роли. Вспомните недавнее дѣло полковника Н, совершившаго «подлогъ», вписавшаго въ свой формуляръ подкинутаго ребенка собственнымъ сыномъ; вспомните его рассказъ, какъ взглянули на него милые глазки брошеннаго малютки, и какъ словно Христосъ вложилъ ручку ребенка въ его руку... и какъ онъ пожалѣлъ и полюбилъ ребенка... Если-бъ судъ присяжныхъ разсматривалъ это дѣло, оно окончилось-бы оправданіемъ, и мы все безъ исключенія привѣтствовали-бы это оправданіе*). Вспомните рядъ дѣлъ, ко-

*) Въ окружномъ судѣ въ Самарѣ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, разбиралось маленькое, ничтожное дѣло, имѣющее однако серьезное общественное значеніе.

Въ дѣлѣ ни любви, ни вѣроломства, ни измѣны, ничего подобнаго, а между тѣмъ положеніе буквально ужасное.

Молодая, получившая образованіе, дѣвушка вышла замужъ, но супругъ любилъ покучивать и, проживъ съ женою нѣсколько лѣтъ, довелъ семью до полной нужды. Въ это время открылись

торыя стали почти школьными примѣрами. Въ Пруссіи, формально разведенный и сохранившій право вступленія въ новый бракъ супруговъ—черезъ 2 года женится вновь. И его привлекаютъ къ суду за двоеженство. Почему? Потому что документы, утверждающіе фактъ развода, не были своевременно внесены въ соответствующія официальные книги... Коронный судъ не имѣлъ-бы никакого права оправдать подсудимаго. Судъ присяжныхъ это сдѣлалъ, и это нашло полное сочувствіе во всѣхъ... Я вижу, что на ребенка бросился съ вожемъ умалишенный. Нѣтъ выхода, я убиваю умалишеннаго. На моей сторонѣ нѣтъ юридически необходимой обороны, потому что умалишенный, какъ невмѣняемый, не дѣйствуетъ противоправно,—его дѣйствіе подобно напр. паденію кирпича, карниза; но по нашему праву здѣсь нѣтъ и юридической крайней необходимости, ибо въ послѣдней дозволено у насъ лишь спасеніе собственной жизни. Такимъ образомъ я виновенъ въ умышенномъ убійствѣ. И судъ присяжныхъ меня, несомнѣнно, оправдаетъ. Въ подобнаго рода случаяхъ судъ присяжныхъ не можетъ держаться формальнаго закона, какъ не можетъ, по выраженію Стифена, натянуться въ прямую линію канатъ, перекинутый черезъ рѣку. Онъ неминуемо оборвется. Но эта гибкость суда присяжныхъ есть его великое социальное качество.

Проводникъ жизненной правды, судъ присяжныхъ, въ отличіе отъ короннаго суда, не характеризуется извѣстнымъ рутинерствомъ пріемовъ, равнодушной, холодной привычкой разрѣшать дѣла по общему шаблону, пріобрѣтаемой коронными судьями произвольно, въ силу профессіи; у

мѣста по казенной монополіи, и молодая женщина, имѣя на рукахъ старушку-мать и троихъ дѣтей, получила мѣсто сидѣльщицы.

Внѣшнее благополучіе семьи устроилось, но мужъ, услышавъ, что жена имѣетъ мѣсто и квартиру, возвратился въ Самару и привезъ съ собою драгоценность,—печатъ, которою запечатываютъ бутылки казенной водки. Онъ гдѣ-то служилъ, присмотрѣлся къ технике и придумалъ удобную операцию: отолочь полбутылки водки и добавить водою. Такимъ образомъ и число бутылокъ не уменьшается и выпивка есть...

Жена видѣла и знала проступокъ мужа; знала и видѣла старушка-мать, знали дѣти, но ничего не могли сдѣлать. За каждое слово протеста, за просьбы, за мольбы приходилось отвѣчать женѣ-рабынѣ. Мужъ билъ ее, издѣвался и грозилъ.

Что же дѣлать женѣ?

Жаловаться на мужа, обличать его въ преступленіи,—невозможно, тѣмъ болѣе, что самой же придется отвѣчать, какъ укрывательницѣ, но и терпѣть тоже нельзя.

Собравъ всѣ силы, молодая женщина забросила въ колодезь орудіе преступленія—казенную печать, и торжествовала, но побѣда оказалась на сторонѣ сильнаго и не признающаго никакихъ запретовъ.

Послѣ исчезновенія печати произошла бурная сцена, а на завтра мужъ послалъ доносъ въ акцизное вѣдомство, а самъ скрылся.

Судъ не могъ не обвинить преступницу; доказательства были на липо.

„Не виновата... Не я это дѣлала.. Знала, просила не дѣлать, не слушася... Билъ и колотилъ насъ!“ шептала несчастная женщина, но слушали ея рѣчи не представители общественной совѣсти и виноватой оказалась она въ силу буквы закона.

„Четыре мѣсяца тюремнаго заключенія!“—таковъ приговоръ суда.

(Сѣв. Кур.)

2-го октября 1899 года Новгородскій окружный судъ разсматривалъ дѣло о мѣщанкѣ Ольгѣ Михайловой, 31 года, обвиняемой въ дѣтоубійствѣ.

Сущность дѣла такова. Ольга Михайлова, служа по господамъ, родила въ новгородскомъ родильномъ пріютѣ 22-го апрѣля незаконноприжитаго мальчика. На другой день родильница обнаружила признаки брюшного тифа, при температурѣ до 40°. Ее съ ребенкомъ отправили въ городскую больницу. Въ больницѣ мальчика назвали Георгіемъ и окрестили, причемъ воспріемниками были смотритель г. Шульгинъ и находившаяся на излеченіи г-жа Русанова. Спустя двѣ

присяжныхъ не можетъ быть перѣдкой на коронномъ судѣ неподвижности и узкости взглядовъ, а подчасъ и предвзятости убѣжденій, у многихъ судей слагающихся еще при ознакомленіи съ матеріалами предварительнаго слѣдствія. Присяжные вносятъ въ дѣло свѣжій взглядъ, чуткое сердце и душевныя силы, которыя, говоря словами одного изъ нашихъ писателей, они „черпаютъ изъ бездоннаго моря, изъ жизни народа“. Они прекрасно знаютъ жизнь, ея условія, въ особенности мѣстныя, и въ этомъ отношеніи являются гораздо болѣе компетентными судьями, чѣмъ судья коронный, которому житейскія условія зарожденія и возникновенія многихъ преступленій совершенно чужды. Они глубже и вдумчивѣе вникаютъ въ особенности подлежащаго ихъ рѣшенію дѣла, они привлекаютъ къ своему обсужденію всю личность виновнаго, весь внутренній міръ мотивовъ и побужденій, толкавшихъ его на путь преступления. А можно-ли разрѣшить вопросъ о виновности подсудимаго, не дѣлая этого? И можетъ-ли всегда это сдѣлать коронный судья, которому часто среда и образъ жизни подсудимаго далеки и чужды, какъ намъ далека и чужда жизнь обитателей Марса?

И всѣ увлеченія въ ту или въ другую сторону, которыя могутъ имѣть мѣсто со стороны народной коллегіи, не опасны. Если-бы даже, увлекаясь внутренними стимулами преступления, характеромъ подсудимаго, присяжные признавали порой виновнымъ въ преступленіи человѣка, съ ихъ точки зрѣнія подозрительнаго и опаснаго, но въ данномъ преступленіи, повидимому, невиновнаго,—дѣло можетъ быть поправлено. Такого рода увлеченія могутъ

недѣля Михайлова выписалась и пошла по гор. Новгороду искать мѣста, но принять ее въ услуженіе съ ребенкомъ всякій стѣснялся. Походивъ такимъ образомъ, дня два-три, безъ копейки денегъ, она вернулась къ куму Шульгину и попросила на пропитаніе, пока не найдетъ мѣста; кумъ оказалъ ей небольшую помощь. Она пустилась снова въ поиски за мѣстомъ, но тоже тщетно. Тутъ Михайлова вспомнила о благотворительныхъ учрежденіяхъ и отправилась въ „Ясли“, гдѣ принимаютъ дѣтей на дневное пребываніе. Смотрительница въ приѣмѣ ребенка отказала, такъ какъ въ „Ясляхъ“ помѣщаются дѣти не моложе 3-хъ мѣсяцевъ; пошла въ родильный пріютъ—тамъ тѣмъ болѣе получила отказъ; впрочемъ, акушерка Мысловская посоветывала ей обратиться къ попечительницамъ другихъ дѣтскихъ убѣжищъ; и къ нимъ она навѣдалась и тоже бесполезно. Что дѣлать? Куда преклонить голову? Наступала ночь; она пробиралась по берегу широкаго Федоровскаго ручья. Усталая, слабая, въ конецъ измученная, съ голоднымъ груднымъ ребенкомъ, всѣми отверженная, эта женщина спотыкалась и падала. Вдругъ ею овладѣло страшное отчаяніе, мелькнула въ головѣ ужасная мысль, и мать бросила ребенка въ воду:—чѣмъ умирать двоимъ, такъ лучше одному.

Сдѣлавъ это, Михайлова прибѣгла къ Русановой, уже оправившейся отъ болѣзни, пробыла у нея два дня и пошла въ деревню Спасъ-Нередицы къ теткѣ Сергѣевой. Последняя зная о родѣхъ племянницы, спрашивала про ребенка и получила отвѣтъ, что онъ отправленъ въ Воспитательный домъ. Прошла недѣля. Мучимая угрызеніями совѣсти, убійца-мать идетъ опять въ городъ съ дѣлѣю, не услышитъ-ли чего-нибудь о происшествіи съ ребенкомъ. Въ это время ребенокъ былъ найденъ и находился въ покойницкой больницѣ, уже вскрытый и призванный экспертной умершимъ отъ потопленія. Михайлова явилась къ куму Шульгину и сразу была озадачена вопросомъ: „а гдѣ ребенокъ?“ Она смутилась. Шульгинъ, по крестнику и рубашкѣ, призналъ въ утонувшемъ ребенкѣ своего крестника, поэтому и задалъ ей такой вопросъ, а потомъ прибавилъ: „поди, полюбуйся, онъ лежитъ въ часовнѣ“. Тутъ Михайлова упала въ ноги и принесла повинную, рассказавъ въ душавшихъ ее рыданіяхъ подробности убійства.

Признавая себя виновною Михайлова открыла суду зіяющую нужду, которую она съ ребенкомъ перенесла въ послѣднемъ періодѣ. Это подтвердилъ и рядъ свидѣтелей, прибавивъ, что Михайлова женщина вообще хорошая и трудолюбивая.

Присяжные совѣщались не болѣе пяти минутъ и вынесли подсудимой оправдательный вердиктъ. (Н. Вр.)

быть умѣренны коронной коллегіей, которой принадлежать огромныя права по отношенію къ направленію присяжныхъ на правильный путь и по отношенію къ исправленію вердиктовъ.

Напротивъ, какъ я уже указывалъ въ началѣ, и какъ неоднократно замѣчала наша литература и практика, народная коллегія суда служитъ для его короннаго состава лучшимъ побужденіемъ къ тщательному соблюденію всѣхъ предписанныхъ закономъ формъ производства. „Установленные закономъ гарантіи правильности суда—начала непосредственности, устности, гласности, равноправности сторонъ—только на судѣ присяжныхъ получаютъ полное свое выраженіе“. На судѣ коронномъ они отступаютъ на задній планъ и утрачиваютъ свою жизненность, превращаясь въ пустыя обрядности. Нечего говорить о томъ, что правильно организованный судъ присяжныхъ является идеаломъ суда и съ точки зрѣнія его независимости.

Наиболѣе совершенной формой суда является судъ присяжныхъ и въ дѣлѣ добыванія истины, ибо надъ этимъ дѣломъ трудятся двѣ раздѣльныхъ, не стѣсняющихъ другъ друга коллегій, идущихъ разными путями, работающихъ по разнымъ вопросамъ, но объединенныхъ въ одномъ общемъ дѣлѣ. Несмотря на ихъ раздѣльность, обѣ коллегіи суда присяжныхъ, и народная и коронная, находятся въ постоянномъ благотворномъ взаимодействіи, одна помогая другой, одна внося въ дѣятельность другой недостающія ей черты и, такимъ путемъ, стремясь къ наилучшему достиженію главнѣйшей цѣли правосудія—открытію истины и карѣ виновнаго.

За послѣдніе-же годы нашъ судъ присяжныхъ сталъ обнаруживать бросающуюся въ глаза активную дѣятельность въ области усовершенствованія нашего уголовного процесса. Щегловитовъ, напр., указываетъ рядъ дѣлъ, гдѣ присяжные съ успѣхомъ возбуждали вопросы о восполненіи недостатковъ предварительнаго и судебного слѣдствія; путемъ откровенныхъ письменныхъ заявленій предотвращали осужденія лицъ, о которыхъ по недоразумѣнію, вродѣ Масловой, былъ данъ ими обвинительный вердиктъ; ходатайствовали объ уменьшеніи тяжести уголовной кары путемъ Монаршаго милосердія. Одно изъ такихъ дѣлъ, когда присяжные отказались дать приговоръ, такъ какъ дѣло не казалось имъ выясненнымъ безъ вызова въ судъ нѣкоторыхъ лицъ, произошло 2 мѣсяца тому назадъ въ Петербургскомъ окружномъ судѣ *).

*) 21 декабря 1900 г. въ Петербургскомъ окружномъ судѣ слушалось дѣло крестьянина М. С. Барнинова, которому только-что минуло 19 лѣтъ. Вотъ его сущность.

Въ Петербургѣ по Лиговской улицѣ есть трактиръ „Ярославль“, управляющимъ котораго состоитъ С. Внуковъ. Въ пятомъ часу утра 6-го іюня текущаго года онъ явился въ буфетную комнату во второмъ этажѣ трактира и, увидѣвъ буфетчика Пылаева лежащимъ ничкомъ на полу возлѣ столовъ, принялся его тормошить, полагая, что тотъ еще спитъ. Перевернувъ Пылаева, Внуковъ увидѣлъ, что все лицо его въ крови, а на лѣвой сторонѣ головы зияла рана, въ ногахъ же валялся окровавленный топоръ, обыкновенно лежащій на кухнѣ въ первомъ этажѣ трактира. Ящикъ прилавка, въ которомъ хранились деньги и куда покойный наканунѣ положилъ 44 руб., оказался выдвинутымъ со вставленнымъ ключомъ, который Пылаевъ всегда держалъ при себѣ.

При разслѣдованіи выяснилось, что 5-го іюня Внуковъ, по просьбѣ Пылаева, уволилъ за грубость служившаго въ трактирѣ Барнинова. Получивъ расчетъ, Барниновъ говорилъ другимъ, что попомнить это Пылаеву. Въ тотъ же день вечеромъ Пылаевъ и Внуковъ уже передъ самымъ за-

Такой судъ обладаетъ несомнѣнно и безспорно крупнымъ социальнымъ значеніемъ. Своей близостью къ населенію и непосредственной связью съ нимъ онъ содѣйствуетъ распространенію въ немъ правовыхъ знаній и росту самой идеи права и законности. Разказы и воспоминанія активныхъ участниковъ пережитаго суда—лучшая школа народнаго праваго образованія.

Внесеніемъ въ дѣло живыхъ народныхъ взглядовъ, жизненной правды народа, представителями котораго присяжные являются,—ихъ судъ способствуетъ величайшей законодательной задачѣ—приведенія права въ гармонію съ народнымъ правосознаніемъ, гармонію, при которой единственно право и правовой порядокъ могутъ выполнять свою главнѣйшую функцію,—влиять на народъ воспитывающимъ образомъ, повышать его этические идеалы, облагораживать его душу. Самое отправление правосудія для лицъ, бывшихъ присяжными, и для тѣхъ, изъ среды которыхъ они избираются, есть фактъ, поднимающій въ глазахъ народной массы значеніе человѣческой и гражданской личности, будящій сознание личнаго достоинства и, быть можетъ, всего важнѣе,—такъ загнанное и забытое нынѣ всѣми чувство личной отвѣтственности!

Личное отношеніе русскихъ присяжныхъ къ дѣлу—всегда стояло на недостижимой высотѣ. Только что освобожденный русскій крестьянинъ—въ новой невѣдомой дотолѣ ему обстановкѣ—нашелъ силы и способности къ самостоятельному общественному труду, и эти силы и способности онъ хранилъ и проявлялъ въ теченіе почти 40 лѣтъ, истекшихъ со времени дарованія ему права присяжнаго суда. На это дѣло онъ всегда смотрѣлъ и смотритъ какъ на долгъ совѣсти и религіи: надъ приговоромъ русскихъ присяжныхъ, говоря словами Квачевского, не тяготѣютъ ни разнища сословій, ни воспо-

крытіемъ трактира видѣли Баринова спящимъ въ билиардной комнатѣ съ маркеромъ Жировымъ. Приказавъ послѣднему не оставлять Баринова на ночь, они не провѣрили потомъ, исполнено ли это распоряженіе.

Съ момента катастрофы Бариновъ исчезъ изъ Петербурга и 16-го числа задержанъ на родникѣ въ деревнѣ Горки Новгородскаго уѣзда. Объясненія его сводятся къ слѣдующему. Въ ночь на 6-е іюня онъ по приглашенію Жирова остался въ билиардной комнатѣ, гдѣ и заснулъ. Разбуженный стукомъ въ буфетной комнатѣ, онъ, войдя туда, замѣтилъ, что Пылаевъ лежалъ на полу, а Жировъ спрятался за стулъ. На просьбу разъяснить происшествіе, Жировъ отвѣтилъ: „Молчи, а то и тебѣ то же будетъ“. Послѣ этого подсудимый больше не разспрашивалъ Жирова и убѣжалъ изъ трактира; здѣсь его догналъ Жировъ, приказавъ молчать о случившемся и далъ три свертка серебра на 15 руб. На эти деньги Бариновъ купилъ пиджакъ, брюки, штиблеты и въ тотъ же день уѣхалъ на родину. Потомъ подсудимый измѣнилъ эту повѣсть, заявивъ, что остался почевать съ цѣлью обокрасть выручку, для валомы которой онъ въ третьемъ часу ночи взялъ топоръ изъ кухни, гдѣ въ то время спалъ Жировъ, вошелъ въ буфетную, открылъ ящикъ съ деньгами ключомъ, который вытащилъ изъ лежащаго подъ подушкой Пылаева пиджака и досталъ изъ ящика 17 руб.: въ это время Пылаевъ проснулся и всталъ съ постели, тогда подсудимый три раза ударилъ его обухомъ по головѣ и когда буфетчикъ упалъ, убѣжалъ изъ трактира.

По настоящему дѣлу произошло необычайное до сихъ поръ случай. Въ числѣ свидѣтелей вызывался и маркеръ Жировъ, на котораго Бариновъ ссылался, какъ на убійцу, но онъ исчезъ безслѣдно и къ засѣданію не явился. Судъ, съ согласія сторонъ, постановилъ считать Жирова не разысканнымъ и провелъ все судебное слѣдствіе безъ него. Стороны произнесли рѣчи, предсѣдатель сказалъ напутственное слово и присяжные засѣдатели удалились для совѣщанія. Прошло около часа и они, выйдя въ залъ, черезъ своего старшину объявили, что въ отсутствіе Жирова не могутъ разрѣшить дѣла.

Выслушавъ объясненія сторонъ, судъ постановилъ: разрѣшеніе дѣла прервать и назначить для него новый срокъ. (Нов. Вр.)

миналія о недавнемъ рабствѣ, ни вѣра, ни языкъ, ни національность, ни высокое положеніе подеудимаго. Судъ для нихъ божеское дѣло: призывную повѣстку они кладутъ за образа; прежде чѣмъ постановить вердиктъ, — всѣмъ составомъ молятся на колѣняхъ, а послѣ рѣшенія дѣла — нерѣдко идутъ въ церковь.

Что говорить о томъ, что все развитое и честное большинство нашихъ юристовъ горячо стоитъ за судъ присяжныхъ? Здѣсь нѣтъ разногласія, здѣсь наша высшая судебная администрація высказываетъ тоже, что говорятъ юристы практики, а взгляды послѣднихъ вполне гармонируютъ съ воззрѣніями юристовъ теоретиковъ. — Когда лѣтъ 5 тому назадъ, волна движенія противъ суда присяжныхъ достигла своего апогея, Министръ Юстиціи Муравьевъ, ссылаясь на историко-національный характеръ этого института у насъ, замѣтилъ, что мысль объ отмѣнѣ суда присяжныхъ была бы недоувѣрjemъ къ общественной и народной зрѣлости, косвеннымъ признаніемъ или неспособности неслужилаго русскаго человѣка помогать власти въ ея борьбѣ съ преступленіями, или излишества этой помощи для самодовлѣющихъ судебныхъ чиновъ. Но ни въ окружающей дѣйствительности, говорилъ онъ, ни въ правительственныхъ воззрѣніяхъ, поскольку они выражаются въ современной законодательной дѣятельности, нѣтъ никакого повода для подобныхъ заключеній.

А вотъ фактъ, рисующій взглядъ юристовъ-практиковъ. Въ 1894 г., по поводу пересмотра судебного законодательства, состоялось совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ, этихъ „естественныхъ враговъ“ суда присяжныхъ, какъ зовутъ ихъ противники этого института. Эти высшіе представители нашего судебного вѣдомства громаднымъ большинствомъ голосовъ, 18 противъ 2, категорически высказали убѣжденіе, „что по дѣятельности своей современный судъ присяжныхъ не только является вполне удовлетворяющимъ своей цѣли, но и *представляетъ лучшую форму, какую только можно себѣ представить, для разрѣшенія большей части серьезныхъ уголовныхъ дѣлъ*, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжкое обвиненіе связано съ уликами, требующими житейской вдумчивости“. Лучшей похвалы нельзя придумать.

Вотъ, наконецъ, нѣсколько литературныхъ мнѣній нашихъ ученыхъ юристовъ. Судъ присяжныхъ, говорятъ они, „служить благотѣльнымъ звеномъ, связывающимъ лицъ разныхъ сословій, положеній и племенъ въ достиженіи общей цѣли отправленія правосудія“; онъ „проводникъ народной правды, воплотитель справедливости и совѣсти“; „въ немъ лучшій даръ, лучшее проявленіе духа общественности“; онъ „центральный узелъ нашей судебной системы, ея лучшее украшеніе и самая твердая ея опора“; „вся будущность Россіи зависитъ отъ процвѣтанія народнаго суда“.

Выработанное нашими юристами будущее процессуальное право сохраняетъ судъ присяжныхъ съ удержаніемъ въ существѣ организаціи этого института по Судебнымъ Уставамъ.

И это знаменательный фактъ! Въ немъ ясно сквозить все таже юридическая аксіома, что всѣ благотворныя начала Судебныхъ Уставовъ 20 Ноября, такъ много давшія русской жизни, неразрывно связаны и по своему существу, и по своему проведенію въ жизнь съ судомъ присяжныхъ. Безъ суда присяжныхъ Судебные Уставы лишены своей почвы, своей основы; безъ суда присяжныхъ они лишены и своего благотворнаго вліянія на народъ, вліянія правосудія, стоящаго на стражѣ истинной законности и поддерживающаго народное правовое чувство. Это домъ, построенный на пескѣ; это маякъ, стекла котораго залѣпила снѣжная буря, и который не можетъ бросать въ даль лучей своего спасительнаго огня.

Будемъ же питать твердую надежду, что русскій народъ никогда не угаситъ этого маяка; будемъ вѣрить, что свѣтъ его скоро падетъ и въ нашу далекую Сибирь!...